

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Алексей ГЛУШАНОВСКИЙ,
Светлана УЛАСЕВИЧ

ЦЕНА ИМПЕРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

**Алексей Глушановский
Светлана Уласевич
Цена империи (сборник)**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3524365
Цена Империи: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1195-5*

Аннотация

Древнее как мир столкновение добра и зла. Вечная борьба противоположностей. И снова мир на пороге войны, и снова жизнь балансирует на грани меча. И непонятно, кто в этот раз победит и какой ценой достанется правителю империя. Тяжелым бременем власть ложится на плечи, и человеческая жизнь теряет и одновременно приобретает свою цену...

Разные по стилю и жанру произведения объединены темой столкновения людей с другими формами жизни. Кто выйдет на этот раз победителем? И способны ли они сосуществовать в мире?

Содержание

Алексей Глушановский, Светлана Уласевич	4
Цена империи	4
Эпилог	35
Самый страшный зверь	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексей Глушановский, Светлана Уласевич Цена империи (сборник)

Алексей Глушановский, Светлана Уласевич

Цена империи

– Слава! Слава победителю! Слава Стальной Хватке!

Ремул пылал. Орда ланов пришла по весне, и не ожидавшая нападения столица некогда могущественной Ромейской империи рухнула под копыта коней закованных в сталь воинов Сельмана. И теперь, объятый бушующим пламенем, величественный город терял последние признаки былой красоты.

Сквозь многочисленные проломы в стенах в него непрерывно вливались войска молодого полководца, сына Сельмана Кровавого. Уцелевшие жители еще сопротивлялись, но это была уже агония. Особенно отчаянная битва шла около сердца Ремула – священной рощи, рядом с которой стоял небольшой, но удивительно прекрасный белоснежный храм с золотой отделкой. Издали он походил на сказочное облако, спустившееся на мгновение с неба, чтобы отдохнуть, укрывшись зеленым одеялом леса.

Поглядывая с высокого холма на развернувшееся зрелище, Аларих Стальная Хватка презрительно ухмылялся. Воистину странные люди эти ромеи! К чему такая отчаянная оборона какого-то здания, пусть даже и довольно красивого? Чего защищать-то? Он еще мог бы понять, если б с подобной фанатичной храбростью враги спасали дворец своего правителя или городскую казну. Но нет. Эти стратегические объекты были взяты еще два часа назад, и там при штурме столь яростного сопротивления не наблюдалось. Но вот этот храм...

– Передай Сыну Бури и Приносящему Гибель, чтобы они вели свои сотни к храмовому кварталу, – приказал он адъютанту. – А не то Безумный Лучник провозится там до вечера! – Подчиненный понятиливо кивнул и опрометью бросился исполнять приказ.

– Стой! – окликнул его Аларих, которому в голову пришла еще одна идея. – После того как выполнишь, передай Лучнику, что я приказываю захватить живьем как можно больше из этих... храмовников, с которыми он сейчас сражается. Как минимум одного, но живого и без серьезных повреждений.

Молодой вождь ланов, заинтересовавшись столь решительным сопротивлением одного из участков городской обороны, решил разузнать о причинах данного явления подробнее. Аларих не видел никакого смысла в столь отчаянном стремлении отстоять какой-то храм и расположенную за ним рощу. Более того, на месте командира обороны он в первую очередь убрал бы воинов от зеленого массива. В конце концов, боги на то и боги, чтобы защищать себя самостоятельно! Что это за бог, который не способен уберечь свой храм от людского нападения? И зачем такой бог вообще кому-то нужен? Какая от него польза?

Своих богов ланы не охраняли никогда. Более того, их святилища специально размещались в самых уязвимых местах крепостей и лагерей, там, где в случае осады вероятность прорыва врагов наиболее вероятна. И свирепые боги племени превосходно несли свою службу, помимо прочих обязанностей, исправно уничтожая любых не званных жрецами гостей, осмеливавшихся появиться в пределах святилищ.

Стычки, нападения и прочие неприятности с полукочевым племенем происходили не так уж редко, а потому «естественный отбор» среди божеств был весьма и весьма велик. Зачем поклоняться тому, кто даже не может защитить свое святилище? Подобных глупцов среди ланов не было.

Впрочем, тридцать лет назад, когда к власти в племени пришел отец Хватки – Сельман Кровавый, на священном поединке голыми руками вырвавший из груди прежнего вождя сердце и съевший его целиком прямо в кругу боя, все изменилось. Через пару дней после своей знаменательной победы новый вождь объявил подготовку к великому Походу. Он собрал бы войска и на следующий день, но, увы, некоторое время потребовалось на то, чтобы задобрить изрядно возмущенный подобной трапезой желудок. (С тех пор Сельман Кровавый весьма и весьма настороженно относился к старинным традициям, в любой ситуации предпочитая хорошо прожаренный бараний бок сердцу даже самого могучего, сильного и отважного противника.) И вот, еще тридцать лет назад племя ланов – не самое большое, не самое могучее и далеко не самое главное из множества обитавших на западе Великой Степи народов – начало свое восхождение к власти.

Очень быстро покорились занятые междоусобицами соседи. У покоренных противников Сельман взял самое лучшее и, безмерно довольный собой, направил уже грозное и значительно разросшееся войско на дальних соседей Великой Степи... Кого-то будущий император взял хитростью, кого-то напором и численным превосходством, кого-то опередил в стратегии. Для Сельмана все средства были хороши. И вскоре образовалось гигантское государство – Великая Степь.

Сейчас никто не мог и мечтать о том, чтобы взять в осаду какой-нибудь из городов Степи, могучей, захватившей полмира империи, войска которой ныне повергли в прах своего главного соперника – великое и древнее Ромейское государство, чья столица в данный момент пылала под ногами Стальной Хватки.

Стальная Хватка усилием воли прервал свои размышления на тему новейшей истории. Осторожно огляделся по сторонам, желая убедиться, что никто не заметил минуты постыдной и недостойной настоящего воина отвлеченности, после чего облокотился на подлокотник изящной беседки, с которой бывший император бывшей Ромейской империи любил наслаждаться видами столицы, и вгляделся в развернувшуюся перед ним завлекательную панораму.

Пожары охватили некогда прекрасный город на западе. Там располагались трущобы, и воины Хватки не тратили сил и времени на грабеж да захват пленных, попросту выжигая унылое место. Рабы из трущобников получались плохие: наглые, ленивые и вороватые, так что даже у самого добродушного работоторговца за них нельзя было получить более одного серебряного. Девки были некрасивыми, тощими и частенько больными, а ценного имущества и вовсе не имелось. Так что трущобы вместе со всеми жителями были целиком преданы огню, а изредка выбегавших из бушующего пламени обезумевших людей воины ланов, не тратя лишнего времени, расстреливали из луков и арбалетов.

Конечно, можно было бы взять их в рабство, но... телеги обоза и так уже трещали от тяжести взятой драгоценной добычи, а у работоторговцев заканчивались кандалы и веревки для связывания пленников, да и с едой могли возникнуть проблемы. К чему тратить ценные ресурсы на дешевую добычу, когда можно взять в плен ремесленников и грамотеев, плата за которых куда как больше будет.

Благо, бои за ремесленные и купеческие кварталы уже практически закончены, и их можно грабить невозбранно. Главное с поджогами не переусердствовать! Да и квартал знати вместе с императорским дворцом уже пал. Спротивляется только храм. Но это ненадолго. Максимум – до подхода тяжелых латников из сотен Сына Бури и Приносящего Гибель. Город

был практически взят. И единственным человеком из всей армии вторжения, который не радовался этому, был только сам ее предводитель – Стальная Хватка.

Недавно молодой вождь узнал неприятную тайну, и нынешняя победа лишь доказала ее истину.

Он обречен на успех. Не то чтобы это возмущало юного полководца, который уже успел зарекомендовать себя как отличный боец и прекрасный стратег. Нет. Молодого мужчину злило то, что его отец, великий воин и завоеватель, захотел покорить весь мир и, чтобы наверняка воплотить мечту, продал свою душу демону в обмен на удачу в битве. Но если бы только это! Нет! Великий завоеватель, покоривший сотни народов, чья империя протянулась от Северного моря до Южного, от Восточной реки до Горного кряжа, заложил в придачу к своей душе и души всех своих потомков, включая и самого Хватку. Для чего ему, собственно, душа, юный вождь пока не задумывался, но, как любой собственник, терпеть не мог, когда распоряжаются его добром. Да и зачем?

Его отец, Сельман Кровавый, одолел почти полмира! До завоевания всего мира осталось совсем немного, всего лишь вторая половинка. И Хватка прекрасно справлялся с поставленной задачей. Лучший воин, великолепный стратег, он был отнюдь не прочь продолжить дело отца. Аларих уже присоединил к их империи достаточно большой кусок земель. Железная воля и стальной кулак степных воителей позволяли держать огромную страну в подчинении и страхе. Враги ненавидели их и боялись. Зачем было перестраховываться и связываться с демоном?! Он что, ему не доверяет?

А еще эта хандра! Молодой вождь обвел тоскливым взглядом раскинувшийся под ним пылающий город. В последнее время, завоеывая, покоряя и низвергая, он ощущал, что ярость и упоение боем, радость победы над сильным и умелым противником куда-то уходят, исчезая, как вода, пролитая на сухой песок раскаленной пустыни, оставляя лишь скуку, равнодушие и сосущую пустоту где-то глубоко внутри. Ласки прекрасных пленниц уже не приносили наслаждения, блестящие победы не доставляли радости, а восторг и обожание воинов вызывали только глухое раздражение.

Чего-то хотелось молодому вождю, что-то тосковало и рвалось изнутри, но что? Он и сам не знал. И этого *что* не могли дать ни шаманы его народа, ни жрецы иных богов, ни бои, ни вино, ни женщины. Хватка в ярости стиснул зубы. Чего-то не хватало, не хватало, не хватало!!! Прах бы их всех побрал!!!

Хватка от души врезал закованным в боевую перчатку кулаком по перилам беседки. Раздался громкий хруст, и изящное, изукрашенное тонкой резьбой каменное кружево ограды расколосось на несколько частей, осыпавшись к ногам воина.

– Чего буянишь? – раздался рядом вкрадчивый хрипловатый голос с шипящими интонациями.

Аларих обернулся и увидел странное создание. Тело его словно было соткано из струящейся тьмы, а лицо напоминало маску Ллуарта, кровавого бога войны и смерти. Щели-глаза, ноздри и рот светились алым огнем. Тварь, демонстрируя чудеса гибкости и грации, постоянно двигалась, словно танцующий пар над чашкой горячей воды. «Слуга Ллуарта. Демон, которому отец продал свою душу!» – стало ясно Хватке.

– Кто ты?

– Ты уже знаешь, – оскалилось существо, и из его пасти вырвался красноватый дымок.

– Зачем пришел?

– Вот только не надо стоять из себя недогадливого мальчика! – фыркнул демон, становясь полупрозрачным и пытаясь обвить талию молодого человека. Юный вождь отступил. – Ну же, великий воитель... – Слова демона явственно отдавали насмешкой.

Разгневанный вождь вновь сжал тяжелый кулак. Демон он там или нет, а насмешек над собой Хватка терпеть не собирался. Интересно, череп этого создания намного ли крепче бычьего? Голову быка он проламывал с одного удара.

– Какой горячий юноша. – Слуга войны одобрительно рассмеялся, скользящим движением пропуская удар мимо себя, и вновь приблизился вплотную. – Твоя душа будет истинным украшением коллекции моего повелителя. И я пришел, чтобы забрать принадлежащее ему!

– А забиралки вымыл? – огрызнулся Хватка, вновь избегая контакта с демоном, который так и лип к его ногам. – Бычья ядра тебе в глотку, а не моя душа, понял?

– Ты узнал о договоре твоего отца с моим повелителем и атаковал великую империю. Ты победил всего с одним туменом воинов против бесчисленных легионов врага. Мы честно выполняем свою сторону договора – твоя победа тому свидетельство, и мы пришли за своей платой. Отдай!

– Это была проверка, – не растерялся молодой вождь. – Мало ли о чем отец говорил. Доверяй, но проверяй. Вдруг никакого договора и вовсе не существовало, а он просто глупо пошутил? И вообще, никаких «бесчисленных легионов» и близко не было! Против нас выступили Третий, Четвертый и Пятый легионы Центра, Первый и Восьмой Восточные и Шестой Западный. Мне ли не знать количества разгромленных врагов!

– Всего-то трехкратное преимущество у имперцев, – насмешливо протянул демон.

– Каждый мой воин стоит пяти заживших имперских свиней! – запальчиво выдохнул Хватка. – Преимущество было на моей стороне!

– Ну-ну, – все с той же нескрываемой насмешкой заметил слуга Ллуарта. – Нет, я не спорю, у тебя и впрямь имелось немалое преимущество, благодаря которому ты победил... На твоей стороне был мой повелитель! Отдавай душу! Теперь ты знаешь, что договор существует!

– Да, существует, – кивнул Хватка. – Но он заключен без моего ведома и согласия!

– Хочешь признать его недействительным? – В голосе демона прорезались стальные ноты.

– Не я заключал, не мне и расторгать, – осторожно ответил молодой воитель. – Но моя душа в оплату не участвует.

– А зачем тебе она? – прильнул к нему демон и капризно протянул: – От нее одни проблемы! Вон как ты мучаешься. Ночами не спишь, страдаешь. Все тебе чего-то хочется, к чему-то тянет... А не будет души – и жить станет куда проще. Ты уж поверь, у нас в этом немалый опыт.

Вождь отошел от струящейся фигурки из мрака. Фамильярное поведение слуги Ллуарта раздражало. По голосу демон воспринимался как существо мужской природы, но вот движения и повадки больше напоминали женские. Это злило. Не так он представлял себе могущественного демона, одного из первых слуг Повелителя Войны. Совсем не так.

До сих пор Стальная Хватка был уверен, что у Властелина Боя и слуги должны быть воинами. А уж два воина, несомненно, нашли бы общий язык и смогли договориться! Хотя бы и о хорошей драке. Но в чем-либо соглашаться со струящимся недоразумением с бабскими повадками? Он презрительно сплюнул в сторону демона. Договариваться с подобной пакостью, и уж тем более отдавать ему свою душу не хотелось категорически, и Хватка решил упрямо стоять на своем.

– Не твое дело, зачем мне душа! Повторяю, эта война – максимум проверка выполнения вами условий договора. И вообще, мой отец совершил изрядную глупость; я и так сокрушил бы любого, кто встал на моем пути! Без всяких там!

Он еще раз метко плюнул в сторону демона. Увы. Этот плевок, точно так же как и предыдущий, своей цели не достиг. Слуга Ллуарта легко увернулся каким-то странно теку-

противоречия и самое главное – знал, когда какой из многочисленных граней своей личности следует пользоваться. Нет, не зря, далеко не зря его прозвали Танцующим Лисом.

Хватка взглянул на друга и со вздохом согласился:

– Хорошо, я попробую повеселиться.

Прогноз Тиллы оказался верен. Впрочем, Аларих не мог припомнить случая, когда его друг ошибался бы в таких вещах. Отчаянно обороняющие храм ромеи не продержались и до заката, а к утру перепуганные жители Ремула уже полностью склонились перед мощью Великой Степи. Для установления полной власти над павшим городом хватило и дня. Пожары были потушены, и смиренные рабы, еще три дня назад бывшие гордыми гражданами великой Столицы Мира, как заносчиво именовали они свой город, приступили к разбору завалов. А вечером была гулянка. Традиционный Пир победы, праздник и священнодействие, восхваляющее принесших победу богов. Поддавшись мимолетному желанию, Хватка приказал устроить его в той самой роще, подступы к которой вчера так отчаянно защищали остатки местного гарнизона. Сейчас тела павших уже были убраны, и под величественной сенью вековых деревьев, на том самом месте, где совсем недавно гремели звуки смертельной схватки, развернулось шикарное празднество.

Правда, Алариху вовсе не хотелось приносить восхваления пытающемуся захватить его душу Ллуарту, однако не лишать же людей заслуженного отдыха из-за своих разногласий с богом войны?

Так что праздник был. Драгоценное ремульское вино текло рекой. Шипело на кострах мясо, а прекрасные рабыни, еще недавно бывшие цветом аристократии павшего города, разносили воинам еду и напитки. Рыцари Великой Степи праздновали победу!

– Ты опять мрачен. – Танцующий Лис выскользнул из-за дерева абсолютно бесшумно и внимательно взгляделся в глаза своего друга и повелителя. – Что происходит? Последнее время ты постоянно в плохом настроении, и я не понимаю причин этого. Мы одержали великую победу, которая навеки войдет в историю. Империя Ремул лежит у ног твоих воинов, а ты печален и недоволен. Что с тобой, друг? Какая тоска сжигает твое сердце?

Вздыхнув, Аларих просто пожал плечами. Тилла, замечательный товарищ и преданный друг, при всех своих достоинствах вряд ли мог бы понять причины тянущей тоски, поселившейся где-то глубоко в душе Стальной Хватки. Что говорить, он и сам-то не очень понимал, что происходит. Бои, победы, рабыни, вино... Алариху хотелось чего-то большего. Но чего? Что может быть больше? Он и сам этого не знал. Скажи он об этом своем желании Тилле – и тот рассмеется в лицо да поинтересуется, уж не хочет ли Хватка направить свои войска на завоевание Олирма – вечной обители богов. Ведь Ремул уже завоеван, и среди людских государств Ойкумены не осталось ничего хотя бы равного по величию павшей столице тысячелетней империи. А тут еще этот дурацкий договор отца...

Не то чтобы Аларих чересчур волновался. Вот еще, будет он из-за какого-то бога нервничать... Богов много, а Великая Степь и ее наследник – одни. И если Ллуарт начнет слишком наглеть, настаивая на своих условиях, то в пантеоне Великой Степи могут произойти некоторые изменения, только и всего. В конце концов, служители Водура давно намекают, что были бы счастливы благословлять на бой воинов Хватки от имени своего покровителя. И обещают немалые выплаты, в случае если Аларих соизволит дать им такое право. До сих пор молодой вождь не видел особого смысла в смене бога-покровителя, однако если Ллуарт не соизволит приструнить своего охотящегося за душой Алариха слугу, то замена ему найдется быстро и безболезненно. Вот еще, придумают тоже... Требования выдвигать. «Не тебе спорить с темным богом, смертный», – вспомнились Стальной Хватке заключительные слова уходящего демона. Обнаглел Ллуарт, явно обнаглел. Думает, раз заключил с отцом

контракт, так ему все можно? Так глядишь, если не одернуть, еще и ежедневных молитв начнет требовать, жертвоприношений постоянных, участия в службах...

Боги – они такие. Уступишь в малом, немедленно начинают хотеть все больше и больше. Любой из них всегда стремится стать самым первым и главным, набрать как можно больше поклонников, возглавить пантеон, а затем и вовсе задавить всех остальных божеств, став единственным покровителем всего и вся. И если допустить подобное – ни к чему хорошему это не приведет. Были в истории подобные примеры, были.

Дорвавшись до абсолютной власти, пусть даже над одним-единственным захудалым племенем, какое-нибудь божество вскоре становилось ленивым, переставало обращать внимание на просьбы и мольбы своих последователей и даже жрецов, начинало требовать все больше и больше времени на поклонение и все больше и больше жертв в свои храмы. И в скором времени допустившее подобную ситуацию племя гибло, отдав все возможные ресурсы на прокорм ненасытному божеству. Не зря же говорят – божественная наглость. Так что, если вовремя не одергивать всяких возомнивших о себе божков, много проблем получить можно. Впрочем, подобная ситуация Великой Степи не грозит, как бы там Ллуарт ни выкаблучивался.

Таким образом, угрозы демона молодого вождя волновали мало. Но все же как-то беспокойно было на его душе. Неправильно. Неуютно. Впрочем, портить своему другу праздник из-за подобного Аларих не собирался.

– Все нормально, Тил, – откликнулся он. – Все хорошо... И, слегка смутившись под пристальным взглядом друга, нехотя добавил: – Скучно мне чего-то...

– Вот те раз! Ему скучно!!! – расхохотался Лис. – Все пируют, рабынь гоняют, победу празднуют, а вождь скучать изволит! Еще немного, и снова стихи писать начнет!

Стальная Хватка смущенно улыбнулся. Глупое юношеское увлечение служило причиной непрерывных насмешек Тиллы, с которым Аларих как-то поделился своей тайной. Впрочем, черту Танцующий Лис не переходил, позволяя себе подшучивать над позорным для настоящего воина увлечением друга исключительно наедине, и надежно хранил доверенную ему тайну. Более того. Несмотря на все свои насмешки, он даже втихую, тщательно скрываясь, принимал участие в их распространении. Таким образом, в голос оружие у ближайшего костра «Песнь о лихом коне» воины и не догадывались, что автором ее был не некий безымянный акын, один из многочисленных друзей и знакомых Тиллы, а их собственный предводитель!

Так что, несмотря на все насмешки Танцующего Лиса, молодой вождь чувствовал к нему глубокую благодарность, в глубине души ощущая странную радость каждый раз, как слышал свои песни из уст совершенно посторонних людей.

Сочинительство стихов считалось у ланов постыдным занятием. Хотя орать песни и слушать их от бродячих бардов жители Степи не гнушались. Свою страсть к поэзии Аларих обнаружил внезапно.

Однажды они захватили всемирно известного барда. Тогда, желая посмеяться над бездельником-менестрелем, ланы приказали ему спеть пару песен для души. И великий Октавий спел. Да так, что даже самые черствые воины сидели с угрюмыми лицами, всячески стараясь подавить слезы. Не зря, ой не зря прославился певец. Что-то он задел в сердцах безжалостных ланов, что-то поселил в их душах... Алариху тогда едва минуло восемнадцать. И первый раз услышанные стихи, да еще в таком великолепном исполнении, произвели на юношу неизгладимое впечатление. Что-то странное поселилось в душе, что-то теплое и одновременно требовательное. Захотелось спеть так же, как и Октавий. Барда ланы помиловали и отпустили на все четыре стороны. А вот Аларих на следующий день уединился в высокой степной траве и весь день пытался сочинить мало-мальски приличный стишок.

Сначала получалось не очень. В голову лезла похабщина. Рифмы не складывались, а размер стиха постоянно нарушался. Еще не зная никаких правил, никаких законов стихосложения, Аларих тем не менее каким-то звериным чутьем ощущал неправильность своих творений и боролся с ней так, как привык бороться со всеми своими врагами, – яростно, вкладывая душу в каждое слово, в каждый образ, рождающийся из-под его пера. И постепенно у него начало получаться.

А вместе со стихами менялся и сам Аларих. Воин не понял, в какой момент перо и бумага стали прекрасной отдушиной. Все чаще и чаще он стал задумываться о смысле жизни и о том, что оставит после себя. Империю? Прекрасно! Но хотелось еще чего-нибудь. Чего-нибудь большего. Хотя что может быть больше империи? Более крупная империя? Или, может быть, что-то другое?

Ответа на этот вопрос Стальная Хватка не знал. И потому предпринимал усилия сразу в обоих направлениях. Всемерно расширяя свои завоевания, по ночам он, скрывшись в своем шатре, «марал бумагу», как характеризовал эти его действия Танцующий Лис.

Аларих даже и не подозревал, каким страшным ядом заразил его заезжий бард-ромей. Творчество внутри с каждым днем все сильнее и сильнее требовало свободы. Оно, как капризный бог, злилось и наказывало воина, если тот не находил и минутки для сочинительства стихов. Оно не приходило неделями, изводя Стальную Хватку, и тогда ланы в ужасе шарахались от своего раздраженного предводителя. Кто знает, может, данная хандра была обусловлена именно отсутствием вдохновения. Или желанием бросить войну и уделять своему хобби больше времени. Но об этом Ал не признается никому, даже верному Тилле.

– Да ладно тебе... – Хватка вздохнул и повел плечами, будто сбрасывая невидимую тяжесть. – Не говори глупости, сам же знаешь, я давно прекратил заниматься этой ерундой! Лучше подай вина.

– Ну-ну, – усмехнулся Тилла. – Давно прекратил, говоришь? А кто вчера кучу времени проторчал на обзорной площадке, пялясь на закат и лыбясь, как полный придурок? И только не говори мне, что это ты наблюдал за боем Безумного Лучника. Не поверю. Небось опять чего сочинил?

Последний вопрос прозвучал с легким намеком, и Хватка понял, что, несмотря на все свои издевки, Лис был бы отнюдь не против послушать его стихи. Но настроения не было, и он лишь качнул головой, отказываясь от завуалированного предложения.

– Ну и ладно, – ничуть не расстроился Тилла и подмигнул другу и командиру. – Кстати, вот и средство от твоей хандры. – Он взглядом указал на молоденькую ромею. – Очень рекомендую. А то от твоей натужной ухмылки сейчас все вино скиснет! – И, в опровержение собственных слов, протянул Алариху полный кубок.

Взяв чашу, Стальная Хватка перевел взгляд на рекомендованную приятелем рабыню.

Молодая девушка, судя по точеной фигуре и обрывкам некогда богатых одежд, довольно высокого происхождения, прижимая к груди огромный кувшин с вином, осторожно лавировала между смеющимися воинами и нервно вздрагивала каждый раз, когда те протягивали к ней руки или кубки. Кто-то из них попытался шлепнуть ее по ягодицам, но она с визгом отскочила, расплескав вино и только еще больше обратив на себя внимание.

«Вчерашняя добыча», – машинально отметил для себя Аларих. Ранее захваченные красавицы были уже поспокойнее. Кто-то смирился, а кто-то понял, что крик и сопротивление только раззадоривают храбрых степных воителей. Эта же девчонка о подобном пока еще не знала. Точнее уже знает. После взвизга, привлеченные сопротивлением, к ней потянулись сразу несколько празднующих.

– Ну что? Спасешь из беды красотку? – хмыкнул Тилла.

Аларих вновь обернулся в сторону разносчицы. Довольно симпатичная мордашка, неплохая фигура... Пьяные солдаты не знают меры. Будет жаль, если ее искалечат... Он

махнул рукой, подзывая к себе рабыню. Воины, заметив жест командира, отпустили добычу, толкнув ее в сторону вождя.

– Ну вот и прекрасно, – улыбнулся Тилла, наблюдая, как девушка медленно бредет к ним. – Завтра пойдем на экскурсию. Вчера во время штурма Аркаль Безумный Лучник, исполняя твой приказ, сумел захватить живьем одну из служительниц этого храма. – Лис махнул рукой по направлению беломраморного кружева в центре рощи. – Поскольку ты был занят, я пока взял ее себе. А то уж слишком зол был Лучник. Храмовая стража оказалась упорной, и этот бой его сотне обошелся слишком дорого!

– Только одна жрица? – изумился Хватка. – Я же приказывал взять больше пленных!

– Ну, не совсем одна. Еще удалось скрутить какого-то жреца. Вроде из высших. Но это все. – Тилла пожал плечами. – Ребята, охраняющие храм, не очень-то хотели сдаваться. Сражались до последнего. Когда поняли, что им против нас не устоять, удушили жриц, «дабы грязные лапы варваров не осквернили служительниц милосердной Верлерадии», – потешно нахмурившись, словно изображая кого-то, произнес Тилла.

– Их задушили свои же охранники? – изумленно переспросил Аларих. – Но ты сказал, что кого-то все же взяли в плен. Как это удалось? Кто они?

Тилла пожал плечами:

– Ее зовут Карея, и, судя по всему, она решила, что «грязные варвары» не самая плохая альтернатива шелковому шнурку на горле. Так что предпочла спрятаться в какой-то потайной комнатке, где и была обнаружена воинами Безумца во время обыска храма. Ей повезло. Я пришел в нужный момент. Лучник как раз решил, что одного живого жреца будет вполне достаточно для исполнения твоего приказа, и собирался с ней как следует поразвлечься. Девушка-то, надо сказать, прехорошенькая.

Аларих поморщился. Уважая Аркаля как военачальника и отличного воина, он тем не менее никак не мог принять крайней жестокости Безумца, выходящей за грани приемлемого даже у отнюдь не отличающихся добродушием воинов Степи. Собственно, именно из-за этих-то повадок, а также из-за невероятной меткости стрельбы Аркаль и получил прозвище Безумный Лучник.

– Ну и как она тебе? – поинтересовался Аларих.

Учитывая неистребимую страсть Тиллы ко всем хорошеньким девушкам, какие только оказывались в пределах досягаемости Танцующего Лиса, и прозвучавшее из его уст определение «прехорошенькая» в отношении пленной жрицы, Аларих был абсолютно уверен в том, что сейчас получит полное и развернутое описание всех достоинств и недостатков красоты, а также особенностей ее поведения в постели. И поэтому был совершенно поражен прозвучавшим ответом.

– Пока не знаю. – Тилла пожал плечами. – На вид красивая. И голос приятный. А как сказки рассказывает... – Он даже прицокнул языком, изображая удовольствие. – Что же до остального, то пока не выяснил.

– Не выяснил? – Аларих с изумлением посмотрел на приятеля. – Ты слушал сказки? Наедине с хорошенькой рабыней? Друг, что случилось? Ты не заболел? Быть может, знахаря к тебе направить? Попьешь настой, здоровье и вернется!

– Следи за речью! – коротко оборвал его Тил, кивнув на подошедшую к ним разносчицу вина, которая могла слышать стишок вождя.

Аларих благодарно кивнул. Изредка с ним случалось подобное: под влиянием сильных чувств он иногда совершенно непроизвольно сбивался на стихотворную речь. К счастью, до сих пор эту позорную слабость ему удавалось довольно успешно скрывать, причем во многом благодаря усилиям друга, вовремя пресекавшего подобные эксцессы.

– Но все же? – Аларих допил вино в своем кубке и бросил его рабыне, приказывая наполнить, после чего вновь повернулся к другу. – Что случилось?

– Ну ты же знаешь, – видя, что ему никак не отвертеться от рассказа, поморщился Тил. – Я не люблю насилловать. Предпочитаю, чтобы все происходило добровольно, к взаимному удовольствию. Эта жрица была такой перепуганной. Seriously обидеть Аркаль ее не успел, но насмотрелась она всякого. Сам знаешь его привычки. В общем, по-хорошему ну никак не получалось. Вот я и решил немного подождать. Так и приручаю ее потихоньку. Вчера предложил ей выбор: либо она развлекает меня всю ночь как хочет, а я ее не трогаю, либо я нахожу себе развлечение сам, но тогда уж пусть она не жалуется.

– И что?

– Всю ночь сказки рассказывала, – усмехнулся Тилла. – Но среди них мне очень понравилась легенда о роще. Кстати, тебя не удивляет, что эти заросли занимают слишком много места? – указал Лис подбородком на раскинувшуюся перед ними зелень. – Согласись, зачем держать в укрепленном городе, столице, такой кусок дикой территории?

– По-моему, ромеи никогда не отличались наличием логики, – пожал плечами Хватка. – А что?

Лис засмеялся и похлопал друга по плечу.

– Это Целительская роща, – указал он в глубину леса. – Люди приходят сюда, чтобы вылечиться душой и избавиться от хандры. Говорят, здесь живет – именно здесь, а не на Олирме, великая богиня-целительница Верлерадия, покровительствующая этому городу. Потому-то они так и защищали храм. Это их святыня, сердце всего города!

– Я же говорил, что ромеи глупы! – заметил Хватка. – Поклоняться богине, которая нуждается в защите людей... пфе... – Он презрительно сплюнул, выражая свое отношение к подобному курьезу.

– Согласен, – кивнул Лис. – Я так и сказал Карее. Но она утверждает, что сила их богини в другом. Она действительно почти ничего не может против людей – дескать, ее милосердие настолько велико, что она просто физически не способна причинить вред ничему живому. Но зато способна создавать надежнейшую защиту от других богов и демонов. К тому же она лечит раны, снимает проклятия и исцеляет души.

– Защита от богов и демонов? – заинтересовался Аларих. – Ну-ка, ну-ка, поподробнее...

– Так и знал, что тебя это заинтересует, – ухмыльнулся Тил.

Хватка вздохнул. Ну разумеется. Пронырливый Лис явно уже каким-то, только ему одному известным способом разведal о претензиях Ллуарта на его душу и даже успел раздобыть информацию о средствах решения данной проблемы. В этом весь Тилла. Способности друга к поиску и добыче сведений иногда казались Алариху чем-то сверхъестественным. Часто, очень часто бывало, что молодой вождь еще только начинал задумываться над внезапно появившейся перед ним проблемой, как рядом возникал рыжий хитрец, весело ухмылялся и буквально на блюдечке подносил идеальное решение в сопровождении целой кучи обычных для него шуточек и подколов.

– Говоришь, обитает в этой роще и никогда ее не покидает?

Мысли Алариха приняли вполне конкретное направление. Тилла поощрительно кивнул.

– Было бы неплохо ее поймать, – развил свою идею Аларих. – Собственное божество, находящееся под полным контролем... – Он мечтательно улыбнулся. – Это было бы весьма приятно! – Звук падающего тела на мгновение отвлек молодого вождя. Он презрительно покосился на рухнувшую в обморок рабыню, поднял с земли выпавший из ее рук кувшин с остатками вина и, не отвлекаясь больше на подобную мелочь, вновь повернулся к другу. – Ну, что скажешь? Твоя сказочница может чем-нибудь помочь в этом деле?

– Вряд ли... Я уже интересовался, – вздохнул Тилла. – Реакция была аналогичной. – Он кивнул на лежащую на земле разносчицу. – Карее служит и поклоняется этому созданию и,

хотя и считает себя отступницей из-за того, что позволила себе попасть в наши руки живой, тем не менее и помыслить не может о том, чтобы как-то навредить своей богине.

– Гм, но, думаю, ты ведь сможешь ее разговорить? Расспросишь, как выглядит, где предпочитает появляться... Впрочем, если она тебе так нравится и будет молчать, можешь особо не настаивать. – Заметив, как опечаленно нахмурился Тилла, вождь изменил свой приказ. Похоже, молоденькая жрица сумела довольно серьезно заинтересовать влюбчивого Лиса, и мысль о том, чтобы выбить из нее необходимые сведения, здорово его огорчала.

– Ты ведь вроде сказал, что кроме нее был захвачен еще один жрец? Так что все необходимое можно будет узнать и у него, – развил свою мысль Хватка. – А если будет молчать... У Безумца говорят все. Надеюсь, уж тут-то ты не будешь против? Кстати, а где он?

– Должен быть тут. – Тилла облегченно улыбнулся. – Безумец как раз собирался вручить тебе его на этом празднике.

– Ну что ж, отлично! – Аларих улыбнулся. Известие об имеющейся возможности хорошенько натянуть нос Ллуарту неожиданно сильно обрадовало молодого воина. – Тогда пойдем праздновать!

– Ага! – поддержал друга Тилла и хлопнул по плечу. – А я тебе о чем говорил! Давно пора!

– А твоя сказочница не убежит? – на мгновение озабочился вождь, задумчиво выливая остатки вина из кувшина на лицо все еще лежащей в обмороке рабыни.

– Нет! – улыбнулся Лис. – Я оставил ее с вещами и предоставил выбор: либо она имеет дело со мной, либо с теми солдатами, которые ее поймают. И угадай, кого она предпочла?

– Прохвост! – засмеялся Аларих и, обняв за талию очнувшуюся разносчицу, направился к воинам.

Праздник был в самом разгаре. Огни разожженных костров, казалось, взмывали до небес, какие-то глухие барабаны выбивали дикую дробь, под которую веселились и отплясывали варвары в своем странном, но чем-то завораживающем танце.

Наблюдая за этим жестоким, но завораживающим действием, Луциллий поражался, откуда только у варваров столько сил. Как они могут яростно сражаться на пределе человеческих возможностей весь день, без минуты передышки, ночь проводить в грабежах и насилиях, днем «заниматься наведением порядка», то есть тем же грабежом, но несколько более упорядоченным, а с наступлением вечера закатывать празднество?

Жрец Милосердной осторожно размял ноющие кисти рук. Развязали их ему лишь совсем недавно, после того, как его пленитель – невысокий, коренастый и буквально переполненный злобой варвар, которого называли Безумный Лучник, подарил его своему повелителю.

Луциллий кротко стерпел это унижение, не первое и, как он догадывался, далеко не последнее. Увы. Достоинно погибнуть, защищая храм, ему не удалось. Слишком много сил и времени он посвящал великолепной библиотеке храма Верлерадии, помощи больным и страждущим в прихрамовой больнице и слишком мало – боевым искусствам. И потому, когда степные варвары, сломив отчаянную защиту охраны, все же ворвались в алтарный придел, Луциллий не смог оказать достойного сопротивления и погибнуть с честью, подобно его собратьям. Увы. Удар по голове древком копья обрушился на него раньше, чем он успел выпить выданный специально для этого всеблагим настоятелем фиал с настойкой корня копыльцета^{1}.

^{1} **Копылецет** – реликтовый кустарник, изредка встречающийся в наиболее глухих местах лесов центральной части Эрлейской равнины. Настойка корня этого кустарника является мощным боевым наркотиком. На краткое время многократно повышает боевые возможности человеческого тела, давая силу, скорость, нечувствительность к боли на срок от двадцати минут до одного часа. После окончания действия следует продолжительная стадия упадка сил, депрессия, гал-

Он перевел взгляд на того, кто отныне мог распоряжаться его судьбой и жизнью. Повелитель разграбившей великий город орды Аларих Стальная Хватка. Узкое нервное лицо, сияющие каким-то бешеным блеском голубые глаза, злая ухмылка на тонких губах. Рост значительно выше среднего, так что отнюдь не малорослый жрец едва достает макушкой до закованного в сталь плеча воина. Черные, давно не мытые волосы спадают до поясницы, руки в кольчужных перчатках лежат на рукояти легкой сабли из драгоценного булата. Взгляд прикован к арене, где происходит странное варварское действо.

Аларих внимательно следил за традиционным танцем-боем. Вот из круга воинов в центр вышел один и, прокрутив в руке короткие слабоизогнутые мечи, их концами указал на Лиса, призывая того стать партнером по танцу. Удар барабанов. Тилла широко ухмыльнулся и, обнажив саблю, лениво направился в сторону юного задиры. Барабанщики ускорили барабанную дробь, но воины стояли друг напротив друга неподвижно, а музыканты продолжали убыстрять ритм. Казалось, музыка сама побуждала, вызывала, приказывала мужчинам кинуться друг на друга и начать рубиться, но воины выжидали. Дробь уже слилась почти в единый монотонный звук, но бойцы все еще не двигались.

Морщась от чуждой, режущей слух агрессивной музыки, Луциллий ощущал, как его сердце начинает биться все чаще и чаще, подчиняясь яростному ритму. А барабан все звал и звал куда-то, обещая восторг и упоение.

Вдруг ритм барабанов сбился, и в следующее мгновение дети Степи схлестнулись друг с другом, как встречаются две песчаные бури в пустыне Мертвых. Зазвенели клинки, замелькала сталь, отражая блики костров, снова взвилась музыка барабанов, постепенно ускоряя ритм. Воины принялись поддерживать дерущихся криками и отхлопывать в такт.

У жреца милосердия сердце сжалось при виде самозабвенно рубящихся ланов. Они действовали так яростно и отважно, выкладываясь в полную силу, словно были врагами, а не союзниками. Как может их вождь позволять солдатам так рубиться? Ведь одно неверное движение – и смерть! Сколько юношей умерло в этой забаве! Как можно быть такими беспечными?! Забава! Это варварство для них всего лишь забава! Неудивительно, что захватчики не боятся смерти, они и так каждый день играют с нею!

Молодой воин заседал на своего партнера, тот в основном уклонялся, что еще больше раззадоривало нападающего. Ланны стали свистеть и отпускать шуточки. Вожак захватчиков нахмурился и что-то коротко выкрикнул рыжеволосому насмешнику. Словно в ответ на пожелание главаря, тот молниеносно крутнулся, проводя серию подсечек. Молодой задира с трудом смог избежать первой, однако споткнулся о вторую и упал на землю. Сабля Тиллы, описав красивую дугу, затормозила в каком-то миллиметре от его горла. Жрец поежился: все-таки переоценил собственные силы молодой лан.

Проигравший бой юноша похлопал рукой по земле, и ему позволили встать. Уважительно поклонившись Тилле, юный боец вернулся в круг воинов. Снова зазвучали барабаны, и уже Тилла начал свой танец в центре круга, но вызывать кого-либо на бой не спешил. Он демонстрировал все свое мастерство и гибкость, словно предупреждая и устрашая будущих противников, и только наблюдавший за всем Аларих знал, что это представление далеко не предел возможностей его друга. Показывая многое, Тилла, как всегда, скрывал куда больше.

Но вот наконец Тилла взмахнул саблей, и Аларих к своему великому изумлению заметил, что ее конец указывает на него. Воины мгновенно замерли. Далеко не каждый рискнет связываться с лучшим воином Степи. Впрочем, Тилла всегда был его партнером по спар-

люциации. Продолжительность депрессивной стадии от нескольких дней до месяца и более. При передозировке во время активной стадии эффективность возрастает, давая возможность даже неопытному и нетренированному человеку справиться с сильным и умелым бойцом. Однако в этом случае вместо депрессивной стадии по окончании действия наступает быстрая смерть принявшего наркотик человека, обычно в результате инсульта. – *Здесь и далее примеч. авт.*

рингу и знал, что для Алариха бой – прекрасное лекарство от скуки. «Ну, раз ты настаиваешь, друг, то разомнемся», – улынулся вождь, выходя в круг.

Привычно зазвучали барабаны, отстукивая дикий ритм, и рабы с замиранием сердца наблюдали за двумя мужчинами в центре круга. Они многое слышали о силе и отваге главаря ланов, а кому-то довелось видеть его в бою. Жрец в недоумении покачал головой, не в силах понять, как дикари позволяют вождю рисковать головой?! А если с ним что-нибудь случится?! Кто поведет их дальше?

Впрочем, ромеям было не понять логики жителей Степи. В суровых условиях выживает сильнейший, и если ты не способен победить в шуточном бою, то как дать тебе под контроль армию? Гордые ланы не могли доверить свою жизнь кому-то, кто слабее их. Миром правит лучший.

Вдруг ритм барабанов сбился – и началось. Аларих с Тиллой были выдающимися бойцами, многие движения сражавшихся были почти незаметны, скорость, с которой оба противника носились по кругу, поражала даже самих ланов. Для несведущих ромеев танец двух лучших детей Степи казался смазанной картинкой.

Хватка и Лис наслаждались боем. Есть что-то завораживающее в том, чтобы следить и считывать движения и намерения партнера. Ведь битва – это не тупое махание кулаками или мечами. Нет. Это поединок умов, взаимодействие двух тел, когда твое движение является продолжением движения противника, но лишь в выбранном для тебя направлении. Что такое отразить атаку? Это проследить за движением партнера, понять его намерения, придумать свою стратегию и правильно использовать инерцию и силу противника, чтобы обратить действие врага в свою пользу. Защититься и нанести одновременно вред другому. Аларих любил бой. Он позволял почувствовать жизнь, ее вкус и прелесть. Бой давал возможность познать силу и ум соперника. Бой с Тиллой помогал отвлечься от хмурых мыслей. А еще бой с другом напоминал о детстве. Об их мечтах и желаниях.

Но вот Тилла совершил какой-то незнакомый маневр, и Аларих, парировав верхний рубящий удар, вынужден был отскочить от косоного продольного движения длинного кинжала, внезапно появившегося во второй руке Лиса. Сзади оказалась канава, и, потеряв равновесие, сын вождя споткнулся. Окружающие ахнули, но Алариху было не до этого. Сгруппировавшись в падении, он откатился как можно дальше, почти к краю круга, и вскочил на ноги. Тилла проказливо ухмыльнулся и подмигнул другу. Ага. Вот, значит, что за новый прием обещал показать друг. Ну что ж.

Перехватив саблю, Аларих вновь кинулся в бой. Тилла снова воспользовался новым приемом, явно желая удостовериться, насколько друг усвоил полученное знание. И Аларих был к этому готов. Сын вождя быстро учился. Отбив верхний удар так, чтобы сабля соскользнула по касательной, он плавным движением поднырнул под руку с кинжалом и оказался за спиной противника, слегка пощекотав концом своего оружия шею друга. Бой окончен. Тилла ухмыльнулся и бросил оружие.

Аларих выпустил друга из захвата и поклонился ему, благодаря за новое знание. Тилла припал перед юным вождем на одно колено и дотронулся до земли, выражая свое почтение и верность. Затем Танцующий Лис подобрал оружие и занял свое место среди круга воинов. Вновь зазвучали барабаны, и в центре круга затанцевал сам вождь. Но следующий поединок был уже не таким интересным, как предыдущий. Аларих легко расправился с последующим противником, и так как оставаться в кругу не хотел, то передал Тилле свое лидерство в круге.

Приглянувшаяся ему разносчица вина ждала его возле импровизированного трона. Продолжать пьянствовать не хотелось. Наблюдать за танцем боя тоже не было желания; впрочем, скрыться в палатке с девушкой также рановато. Вечер еще только начинался. Да и Алариху почему-то захотелось побыть одному. Шепнув воину, чтобы девушку проводили в его шатер, Аларих пошел гулять.

Ночь дышала свежестью и прохладой, из рощи тянуло сыростью. Молодой вождь сам не понимал, почему ноги принесли его именно сюда. Сначала хотелось тишины и покоя, потом просто гулял, любясь захваченным городом. Конечно, до осады и разрушения столица была еще прекрасней, но тогда вряд ли бы кто позволил ему вот так прогуливаться по священной роще. Здесь, вдали от стойбища, было тихо и спокойно. Шум праздника сливался в какой-то потусторонний гул и совершенно не мешал царящему спокойствию. В ночном небе сверкали блики костров, но здесь царила темнота. Казалось, роща поглощала свет и шум празднества, не позволяя ему осквернять это тихое место.

Юного вождя так и тянуло войти внутрь. Аларих задумался. С одной стороны, Тилла обещал составить ему компанию в этом исследовании, но с другой стороны, сейчас он, вероятно, очень занят. Танцующий Лис любил праздники и женщин и вряд ли бы обрадовался предложению заменить все это лесной прогулкой.

Не то чтобы молодой лан боялся входить в рощу в одиночестве. Нет. Но он обещал Лису, что они удовлетворят свое любопытство вдвоем. Хотя что помешает Хватке прийти сюда с Тиллой снова? Ничего. Вряд ли за каких-то несколько часов он успеет разгадать все тайны рощи. Верно? Хватит и на долю друга. И с этими мыслями Аларих сделал решительный шаг в заросли.

В лесу было на удивление спокойно. По мере продвижения внутрь все посторонние звуки казались постепенно затухающим гулом. Странно, но юного вождя не покидало ощущение, будто за ним кто-то следит. Пару раз лан резко оборачивался, но никого ни за спиной, ни сбоку не было.

Впереди между деревьев замаячил просвет, и Аларих вышел на небольшую полянку, в центре которой стояла изящная беседка из белого мрамора, а перед ней раскинулось небольшое озерцо, в котором отражалась полная луна. Стальная Хватка вошел в беседку и присел на каменную скамеечку. Только теперь он заметил какие-то странные белые цветы, от которых исходил терпкий и немного пряный аромат. «Ночная лилия», – вспомнилось ему название данного цветка, вычитанное из книг. Цветет ночью в полнолуние. По поверьям, приносит счастье и любовь. «Только этого мне еще не хватало!» – фыркнул про себя Аларих, но, поддавшись настроению, сел неподалеку, обдумывая очередное пришедшее в голову стихотворение.

Запах цветов, а может быть, и выпитое вино дурманили голову, и постепенно Хватку стало клонить в сон. Вдруг он почувствовал, как кто-то попытался вытащить у него из ножен кинжал. Аларих сильно удивился: до сих пор, в каком бы состоянии он ни был, еще никому не удавалось незаметно подкрасться к нему сзади. Досадуя на себя, он немедленно обернулся, перехватывая в борцовский залом протянутую к его оружию шаловливую ручку.

Как ни странно, схваченный с поличным воришка даже не попытался сопротивляться. Да и рука его казалась слишком уж тонкой... и рост маловат... Очнувшийся от своих мыслей воин удивленно осмотрел нечаянную добычу.

Это была девушка, даже скорее девочка, едва-едва вступившая в пору юности. Острые плечи, только начавшая проявляться грудь, узкие, еще детские бедра. Лицо в ночной темноте было видно плохо, в свете звезд лишь ярко блестели большие, темные и веселые глаза, в глубине которых таилась легкая хитринка и совершенно не было вполне естественного в подобной ситуации испуга.

На мгновение Аларих опешил, не зная, что предпринять с так неожиданно попавшей к нему в руки добычей. Будь она постарше... Но тут девчонка, не дожидаясь его решения, как-то хитро изогнувшись, словно в ее теле и вовсе не было костей, второй, свободной от захвата рукой вlepила ему довольно сильный, почти безболезненный, но невероятно обидный щелбан прямо в кончик носа.

От неожиданности выпустив юную нахалку, Аларих совершенно рефлекторно прикрыл пострадавший орган рукой. Попытайся она ударить его ножом или просто рукой, вырваться или еще как-либо сражаться, он, несомненно, смог бы отреагировать надлежащим образом. Вколоченные на сотнях и тысячах тренировок рефлексы не позволили бы ему пропустить опасный удар. Но этот щелчок по носу был столь же безопасен, сколь и обиден, и боевые рефлексы просто не сработали!

Девчонка же, воспользовавшись его растерянностью, немедленно бросилась наутек, не забыв перед тем показать опешившему юноше язык.

Взревев, оскорбленный воин немедленно бросился в погоню. Сейчас сомнений в том, что следует сделать с девчонкой, у него не было никаких. Догнать, задрать юбку и надрать задницу до синяков! А потом отпустить. Аларих умел уважать чужую отвагу, и потому впечатлившей его своей неумеренной наглостью юной воришке ничего, кроме хорошей порки в случае поимки, теперь не угрожало.

«Но вот порка ей достанется знатная, – на бегу размышлял Аларих, поглядывая на мелькающее впереди белое пятно. – Ох, как я ее выпорю! Если смогу догнать», – подумалось ему несколькими минутами позже.

Аларих был очень хорошим бегуном. В воинстве ланов вообще не было бойцов, которые не могли бы быстро и долго бегать. Одним из испытаний на право назвать себя воином племени как раз и было догнать и повалить на землю испуганного молодого жеребца. И испытание это Аларих в свое время прошел с честью. Но эта девка, похоже, имела основания для своей наглости. Она бежала быстрее, чем жеребец!

«А еще она и в темноте видит, как кошка! А посему, похоже, трепка отменяется», – грустно размышлял Стальная Хватка, пытаясь соорудить из подобранной кривоватой палки некоторое подобие костыля.

Бег в темноте по лесу, как оказалось, отнюдь не то же самое, что бег ясным днем по ровной как стол степи. В лесу имеется множество невидимых в ночной темноте бугров, ямок и, что самое неприятное, упавших деревьев. И падают они, к сожалению, иногда по два. И если во время стремительного бега нога попадает между двумя такими упавшими деревьями, то это чревато неприятностями. Большими неприятностями! – скрипя зубами, думал Аларих, отбрасывая окровавленный клочок ткани, оторванный от рубахи, и печально разглядывая выглядывающий из разорванной кожи острый белесый обломок кости.

Открытый перелом костей голени. Опытный воин, он мог блокировать накатывающуюся на разум волны нестерпимой боли, но это ненадолго улучшало его положение. Шансы с подобной травмой выбраться из леса самостоятельно он трезво оценивал как минимальные, и только непоколебимое упрямство не позволяло ему сдаться и, расслабившись, отдаться накатывающим на него волнам сонливости, вызванной шоком и кровопотерей. Усыпанная прелыми листьями земля казалась такой мягкой и желанной, в ушах раздавался все более слабеющий и затихающий стук собственного сердца, и мысль о том, что надо передохнуть, чуть полежать и поспать, а потом продолжить кажущийся бесконечным путь назад, в лагерь, казалась такой привлекательной...

Но Стальная Хватка упорно продолжал ползти, прекрасно понимая, что стоит ему остановиться, как сон может стать вечным. Сознание затуманилось. Перед ним стояла цель – добраться до своих. И он полз, ведомый внутренним чувством, не обращая внимания на царапающие его ветки кустов и впивающиеся в руки занозы. Труднопреодолимые в его нынешнем состоянии препятствия вроде стволов деревьев и крупных камней он огибал, поэтому очередную преграду, несмотря на ее несколько необычный вид, он попробовал миновать по уже выработавшемуся алгоритму. Странные звуки, доносящиеся сверху, он не считал важными для выживания, а потому проигнорировал.

Кап... Кап... Странно, но это бывает. Затуманенный страданием мозг воина, не обращавший внимания практически на все, что не имело отношения к продолжению движения, отметил падение на руку двух капель воды. Впрочем, может, потому, что это были не обычные капли?

Боль на мгновение отступила, и Аларих почувствовал прилив сил. Вернулась способность мыслить здраво, а вместе с тем и осознание того, чем может являться этот прилив. Подобное нередко бывало у тяжелораненых бойцов: короткий всплеск сил и энергии, когда умирающий организм сжигал последние ресурсы в отчаянной попытке сохранить жизнь, и следующая за этим быстрая смерть. Агония – вот как называли подобное состояние римские медики, чье умение признавали даже ланы, отправляя пленных врачей прямоком в собственный обоз и заставляя их когда силой, а когда уговорами и посулами лечить раненых и учить тех из ланов, кто решался посвятить себя не науке боя, а прямо противоположному искусству.

Хватка вздрогнул. Умереть вот так, в какой-то задрипанной роще, не в жарком бою, от меча более сильного противника, а от полученного по глупости перелома – что может быть хуже?

– Ну вообще-то много чего, – раздался звонкий голос прямо у него над головой. – Но успокойся, ты не умираешь, и прилив сил, который ты ощутил, вовсе не агония. Я тут чуть не разревелась, как полная дура, а он обзывается! За «задрипанную рощу» ты мне еще ответишь! Это, между прочим, священный лес. И помирать тут строго воспрещается!!! Даже таким варварам, как ты! Вот!

С немалым усилием подняв взгляд, Аларих только сейчас осознал, что преградившим ему путь препятствием является не очередное дерево, а две босые, измазанные травяным соком стройные ноги, принадлежащие той самой малолетней воришке, что пыталась украсть его кинжал.

– Ничего не поделаешь. – Он взглянул на широкую кровавую полосу, отмечавшую преодоленный им путь, и криво усмехнулся. – И рад бы соблюсти ваши правила, да боюсь, не получится.

– Вот еще!

Девчонка сердито притопнула ногой, и с ее щеки сорвалась слезинка, упавшая на руку Алариха. Странно, но в этот же миг он вновь ощутил себя значительно лучше.

– Сказано нельзя – значит, нельзя, – все тем же сердитым тоном, совершенно не соответствующим сморщенному в страдальчески-сожалеющей гримаске лицу, продолжила она.

– Тебя бы генералом в мою армию, – хмыкнул Аларих и потерял сознание.

Очнулся он от ощущения чьей-то прохладной ладони на своей щеке. Открыв глаза, Аларих заметил, что девчонка успела усесться на землю и переложить его голову себе на колени.

– Ну что же ты! – укоризненно прошептала она, перебирая свободной рукой его волосы. – Я тут тебя лечу-лечу, а ты сознание теряешь!

Потерять сознание не на поле боя да еще перед слабой женщиной! Все нутро Алариха просто взбунтовалось даже от одной такой мысли. Позор-то какой!

– Я не терял сознания! – соврал он, пытаясь замаять сей позорный факт собственной биографии.

– Ну да, конечно! – хмыкнула девчонка. – А что же это такое было?

– Это был тактический отдых!

– Ага-ага, – фыркнула она. – Будем считать, что я тебе поверила.

Аларих скрипнул зубами, но упорствовать не решился. Главное, что она его позора дальше не разнесет. Сказала же, что якобы поверила.

– Вот это правильные мысли! – обрадовалась девочка. – Если ты уже задумался о будущем, значит, скоро пойдешь на поправку. А то помирать тут он собрался. Мою рощу кровью поганить!

– Поганая кровь? – яростно возмутился Аларих, резко привставая. В ноге немедленно запульсировала боль, напоминая о нежелательности подобных действий. – Я сын вождя, лучший в племени!

– Ну надо же, как мне повезло! – иронично склонила голову девочка, и от этого простого движения возникло странное ощущение, как будто она на самом деле намного старше Хватки. – Ты пока лучше не дергайся, я только-только кость сращивать начала, а будешь елозить – так и калекой остаться можешь! – серьезно добавила она, оценивающе взглянув на поврежденную ногу воина.

– Калекой? – Как ни старался Аларих сдержаться, но в голосе его при этом слове невольно прозвучали нотки испуга.

– Если будешь дергаться. – Насмешливый тон целительницы не оставлял сомнений в том, что она заметила испуг Алариха.

Вздохнув, Хватка замер, не отвечая на насмешку и стараясь не шевелиться. Становиться хромцом из-за глупой гордости ему не хотелось.

– Чего замолчал-то? – заметила его напряжение девушка. – Тебе шевелиться нельзя, а говорить можно и даже нужно! А то уснешь еще, а это сейчас как раз нежелательно! Да и мне не так скучно тебя лечить будет.

– О чем говорить-то? – нехотя протянул воин. – Ишь ты, кровь у меня для нее поганая... – не сдержал он свою обиду.

– Да не конкретно у тебя, – вздохнула та, – а вообще. Эта роща – центр моей силы, мое сердце, моя обитель. И любая кровь, что проливается здесь, ослабляет мое могущество и причиняет мне боль. Была бы я богиней исцеления, а, к примеру, войны, то подобное меня только обрадовало бы. А так... ничего не поделать, противоположная энергетика. Вот и приходится исцелять всяких невоспитанных варваров.

– Я не варвар! Я – лан! Аларих Стальная Хватка, сын покорителя мира Сельмана Кровавого, вождь, командующий туменами отважнейших воинов Степи, завоевавших великую империю ромеев, и сын великого вождя, покорившего полмира! – возмущенно отозвался воин.

– Очень приятно, – вновь совершенно по-взрослому усмехнулась девочка. – Верлерадия Милосердная, богиня.

Просто богиня! Аларих отчаянно засопел носом. Памятуя о предупреждении девушки, резких движений он больше не делал, хотя и очень хотелось. Уж слишком ее представление походило на какую-то изысканную насмешку. Подобное никак нельзя было оставлять без ответа!

Да и ее внешний вид находился в совершеннейшем несоответствии с присвоенным ею званием. Какая же это богиня – босиком, с исцарапанными ногами, в обтрепанной и перемазанной травяным соком тунике? Богини должны быть прекрасными и нарядными. Да и ее женские стати...

Вот у них в степи богини так богини. Ему припомнился идол Великой Матери, который на день весеннего равноденствия выносили жрецы. Вот это богиня так богиня! Облаченная в одеяния из саремшанского шелка, украшенная множеством драгоценных камней и с такими женскими достоинствами, что просто ух!!!! На одну грудь положит, а другой и пришибет насмерть! Да и бедра побольше его размаха рук будут! А тут что? Он смерил свою спасительницу скептическим взглядом. Ни груди, ни попы, и только кости торчат. Пигалица какая-то, а не богиня.

– Сам такой! – обиженно надулась девочка. – Я не пигалица, я Хранительница Рощи в самом расцвете сил!

По крайней мере одним божественным атрибутом Хранительница Рощи, похоже, все-таки обладала. Во всяком случае, Аларих был полностью уверен, что не высказывал вслух свои рассуждения. Впрочем, умение читать мысли еще ничего не значило, помимо богов было еще немало различных созданий, способных на подобное. А даже если и богиня, это все равно не повод нос задирать!

– Взрослая Хранительница Рощи, а носится по лесу как оголтелая и кинжалы ворует, – полусхотливо заметил Аларих.

– Ну, бывает! – возмутилась девочка, тряхнув головой. – Между прочим, ты сам виноват! Явился в мою рощу, будто так и надо, и даже ритуального подарка не поднес! А на твоём кинжале камушки приметные, я себе давно такие на серьги хотела!

И только тут до Алариха дошло.

– Стоп! – прошептал он. – Ты сказала, что Хранительница Рощи?

– Ну да.

– И тебя зовут Верлерадия?

– Ты что, глухой? У тебя вроде нога сломана, а мозги не задеты были. Верлерадия Милосердная! А если в моем милосердии усомнишься, то я и по уху съездить могу! Для лучшего восприятия! – Она сердито потрясла перед носом лежащего на ее коленях воина маленьким, но довольно крепким кулачком.

– Так ты и есть то самое божество, которому посвящен белый храм? Которому служат... – Он на миг замялся, сообразив, что не помнит, как звали выживших служителей, но быстро выкрутился: – Захваченные нами жрец и жрица?

– Ты имеешь в виду Карею Випсанию Лепид и Луциллия Гнея Октавиана?

– Точно! Именно их. Карея и Луциллий. – Сейчас, после того как их имена уже прозвучали, Аларих вспомнил, как звали пленников. – А ты откуда знаешь, о ком я говорил? – с любопытством и легкой подозрительностью поинтересовался он у богини.

– Помимо того, что во время исцеления я легко читаю твои мысли и чувства? – ехидно переспросила та и внезапно грустно вздохнула. – Просто эти двое – единственные из всех моих служителей, чьи души еще не покинули тела и не перешли в мою обитель.

Эти слова прозвучали так печально, что даже закаленному просьбами и мольбами многих пленников молодому вождю вдруг почему-то стало очень жаль эту странную девочку, называющую себя богиней и Хранительницей Рощи, и захотелось хоть как-то ее утешить. К счастью, проблема, вызвавшая ее печаль, не стоила и выеденного яйца и могла быть разрешена сразу же, как только он вернется в свой лагерь. О чем Стальная Хватка ей немедленно и сообщил.

– Ты это... не грусти. Ну подумаешь – задержались... Я ж не знал, что это так для тебя важно. Хочешь, я сам их зарежу? Или как там по правилам надо? Задушить, да? Лис, конечно, расстроится немного, ему эта твоя Карея вроде понравилась, ну да перебьется, раз такое дело... Так что не расстраивайся. Как только я доберусь до нашего лагеря, честное слово, первым делом их души тебе переправлю! – И тут же, вспомнив настойчивую охоту Ллуарта за его собственной душой, с любопытством поинтересовался: – А ты тоже, что ли, души коллекционируешь? Зачем они вам нужны? Какой от них прок?

От подобного предложения Верлерадия ощутимо вздрогнула.

– Знаешь, – после некоторого раздумья произнесла она, – лан ты или не лан, а все равно варвар. И для варвара поясняю. Я расстраиваюсь не оттого, что Карея и Луциллий выжили, а потому, что выжили только они! Я же целительница! Богиня милосердия! Неужели ты действительно думаешь, что я хотела, чтобы те идиоты задушили моих жриц?! Неужели ты считаешь, я бы не простила моим девочкам обиды, которую могли нанести им твои придурки?!

– Мои воины не придурки! – вскипел Аларих. – Они могучие дети Степи...

– Да хоть болота! – отмахнулась Хранительница. – Для меня главное жизнь и душа. Они самое ценное, что только может быть у человека! Ни кони, ни золото, ни слава, ни боги. Только жизнь и душа. А мои жрецы отличились! Знаешь, если бы не количество погибших при штурме, то я бы даже порадовалась тому, что ты захватил империю! Сколько раз я пыталась втолковать им эту истину. А в результате что? «Задушим жриц, дабы грязные лапы варваров не осквернили служительниц милосердной Верлерадии», – процитировала Верлерадия грубым голосом. – Нет, ну ты представляешь, какая глупость!

– Так взяла бы да разъяснила им это, – попытался пожать плечами Аларих. Попытка была немедленно пресечена.

– Я же сказала не дергайся, мешаешь! А насчет разъяснений – так я пыталась. И не раз. Вот только... Когда интересы бога и его служителей входят в противоречие, причем бог по самой своей природе не имеет возможности никого карать всерьез, да и вообще не может даже покинуть посвященную ему рощу, как ты думаешь, по каким правилам будут проводиться ритуалы? По тем, которые угодны божеству, или по тем, которые приносят политическую выгоду высшему жречеству?

После того как я около двухсот лет назад попыталась запретить приносить мне в жертву неугодных Великой Жрице людей, Синод Добрейших попросту объявил мою рощу «слишком святой для того, чтобы нога людей, не прошедших великое посвящение, оскорбляла эту землю» и полностью перекрыл сюда доступ простым людям и служителям низших рангов. Так что гордись. За целых двести лет ты являешься первым человеком, который вступил в мою рощу, не пройдя посвящения в высшие иерархи храма.

– Горжусь, горжусь, – недовольно пробурчал Аларих.

Неподвижное лежание на довольно-таки костлявых коленях юной целительницы успело изрядно надоест привыкшему к постоянной активности воину. Хорошо хоть болтовня с этой малолетней недобогиней, не могущей приструнить своих собственных служителей, хоть как-то скрашивала вынужденное безделье и неподвижность.

Он осторожно повернул голову и внимательно всмотрелся в девушку. И вот это растрепанное чудо в перьях они с Лисом собирались отловить и использовать? Даже если бы она и не спасла ему жизнь, что сразу поставило крест на подобных планах, ибо вождь ланов был отнюдь не чужд благодарности и просто не мог так обойтись со своей спасительницей, то все равно подобная идея была просто бессмысленна. Какое там могущество, если она с собственными жрецами разобраться не смогла!

– Ты не совсем прав, – откликнулась на его мысли девушка. – Кое-что я все же могу. Например, я вполне способна защитить поклоняющихся мне от любой агрессии со стороны любых других богов и демонов. Опять-таки лечение ран и болезней, помощь при родах... Но, по большому счету, твои мысли верны. В качестве пленницы и личного бога я для тебя полностью бесполезна. Тем более что я не в состоянии покинуть пределы этой рощи. Если с лесом что-нибудь случится или я выйду в человеческий мир, то просто исчезну. Увы... Происхождение от дриад накладывает свои ограничения. Да и по профилю я целительница, а не мясник в латах. Тебе от меня никакого проку.

– А чего это ты так решила? – немедленно возразил Аларих. Он впервые встречался с божеством, которое не рекламировало само себя. – Подумаешь, драться не способна... С этим делом мы и сами справимся. А вот исцеление раненых – вещь полезная. Да и защита от других богов тоже пригодиться может. – Ему припомнились покушения Ллуарта, и он решительно добавил: – Еще как может! Так что не беспокойся, захочешь служить мне – дело найдется. Плох тот вождь, который не найдет места и задачи для любого бога, захотевшего ему помогать. А кстати, правда, почему ты мне помогла? Я ведь захватил империю людей, которые тебе поклонялись, влез в твою рощу и саму тебя хотел отловить и отшлепать, когда

ты у меня кинжал спереть пыталась. Ведь ты вполне могла меня просто оставить умирать тут, на полянке. Ну подумаешь, кровью бы напачкал. Ну не верится мне, что моя кровь могла настолько тебе повредить, что ты, несмотря на все это, решила меня спасти.

– Правильно не веришь, – спокойно кивнула девушка. – Пролитие в священной рощи крови для меня очень неприятно, болезненно и просто противно, но при необходимости я вполне бы могла это стерпеть. Дело в другом. Во-первых, я богиня милосердия. И отказать нуждающемуся в помощи просто противно самой моей природе. А во-вторых, и в-главных, я очень надеялась на возможность договориться с тобой.

– Договориться? О чем? – искренне недоумевая, спросил Аларих.

– Пока не время говорить об этом, – покачала головой богиня. – Вот вылечу тебя, тогда и вернемся к этому вопросу. А пока давай сменим тему.

– Сменим, так сменим, – пожал плечами нелюбопытный лан и тут же сморщился от боли.

– Я же говорила тебе не шевелиться! – сердито воскликнула Верлерадия, чуть ли не зашипев от злости. – Все потоки мне сбил!

– Кстати, насчет изменения темы, – перебил ее Аларих. – Долго мне еще так лежать? Я всегда думал, что божественное исцеление, это р-раз – и ты уже абсолютно здоров, будь хоть на кусочки перед этим разрублен. А тут лежу-лежу уже сколько времени, и все никак...

– Если не устраивает, как я лечу, можешь сам лечиться. Только тогда не жалуйся, ежели помрешь через пару дней или полгода проваляешься в постели, а потом на всю жизнь хромым останешься, – сердито заявила богиня, но потом сменила гнев на милость. – Если бы ты не дернулся, минут через десять я бы закончила и твоя нога была бы как новенькая. А так... Ты своим пожатием мне все потоки сил перепутал, так что сейчас их заново разбирать придется. А насчет божественного исцеления... Есть такое. Вот только так, чтобы «р-раз – и здоров», боги могут исцелять лишь своих верующих. Будь ты посвящен мне – давно бы на ногах стоял. А так мне приходится лечить тебя не божественной силой, а при помощи самой обычной целительской магии. Если бы я не была богиней исцеления, по «долгу службы» знающей все про методы лечения, то и вовсе бы ничем не могла помочь не посвященному мне человеку.

– Целительской магии? – переспросил Аларих, желая уточнить незнакомое словосочетание.

– Неважно, – отмахнулась богиня. – В этом мире подобное использование силы еще неизвестно. Я, конечно, пыталась обучать своих жрецов, но этим балбесам интересней было заниматься интригами, а не магией исцеления. Вот и доинтриговали до твоего прихода. В общем, лежи и не дергайся, так как кроме меня никто в этом мире твою ногу вылечить не может и не сможет еще очень долго.

– Понятно, – вздохнул Аларих.

На самом деле понятно было не так уж и много, поскольку, несмотря на его довольно неплохое знание ромейского языка, многие из использованных Верлерадией слов были ему неизвестны, однако он решил не устраивать долгих расспросов. Ну, в самом деле, какое ему дело до того, что такое есть «целительская магия», главное, что его при помощи этой штуки, чем бы она ни была, лечат, и лечат достаточно успешно. Мимоходом подивившись глупости жрецов Верлерадии, отказавшихся от такой полезной штуки ради каких-то глупых интриг, он вновь сменил тему:

– Кстати, по поводу твоих служителей. Они, конечно, полные придурки, но, может быть, все же были не так уж и неправы? Я о твоих погибших жрицах говорю. Все же мои воины особой сдержанностью не отличаются, особенно сотня Безумца, который и захватил твой храм. Кто знает, может, так этим девчонкам и лучше вышло? Хоть не мучились...

– Да ничего бы не случилось! – вскрикнула богиня. – Твой Лис подрос бы вовремя и отбил бы жрицу у вашего Безумного Лучника. Выжили бы девочки. Некоторые из них даже счастье свое нашли бы. Они ж, глупышки, даже замуж не вышли, все честь свою берегли. А для чего, если я богиня-целительница? Я, между прочим, наоборот, всемерно поддерживаю все, что помогает здоровью и размножению! Знаешь, это не боги, а люди придумывают правила поклонения.

– Врешь! – фыркнул Аларих. – Может быть, из-за твоей доброты жрецы и начали своевольничать, но вот наши степные боги всех в кулаке держат! Чуть ли не полный свод законов выдали и за исполнением внимательно присматривают!

– Да бред это все! – возмутилась Верлерадия. – Люди придумывают правила и трактуют волю богов так, как им самим это наиболее удобно. На что угодно могу поспорить, что эти своды придумали ваши жрецы, а не боги. Мне, к примеру, абсолютно все равно, как поставят свечку в храме. С поклоном или без. Нет разницы. И место тоже не главное. В храме, на болоте, дома – смысл один. А еще лучше плюнуть на свечки и поклоны да взять и накормить голодного ребенка, приютить сироту. Вот это для меня куда лучше всяческих песнопений и обрядов! Поверь, если бы мои жрицы вышли замуж и нарожали детей, это было бы для меня куда ценнее и приятнее любых подношений. Чтобы они просто были счастливыми.

– И в чем же тебе была тогда выгода?

– Как в чем? Хотя, пожалуй, мне будет сложно тебе объяснить. Но попробую. Мы, боги, грубо говоря, несем в себе идею, суть. Вот, например, я богиня целительства и милосердия. Если эти два дела распространяются по земле и процветают, то я получаю силы. Собственно, именно потому я столь и слаба и заперта в этой роще, что слишком мало на земле добра и милосердия. Люди почему-то предпочитают воевать и убивать, а не жалеть и исцелять.

Аларих хмыкнул.

– Так это же гораздо интересней, – просветил он богиню.

– Так и прочие, – проигнорировав его заявление, продолжила Хранительница Рощи. – Богу склок нужны склоки. Богу войны – битвы.

– Понятно, – прервал ее вождь, для которого последнее время упоминание о боге войны было несколько неприятно. – А зачем вам тогда души? – решил он разузнать о первопричине вставшей перед ним проблемы.

– Как зачем? – сморгнула Верлерадия. – В душе заключается вся человеческая суть!

– И что, если, допустим, я лишусь души, то немедленно умру? – заинтересованно спросил Аларих, радуясь про себя тому, что так разумно и предусмотрительно послал слугу Ллуарта с его деловым предложением.

– Ну почему же умрешь? Жить будешь, – озадаченно пробормотала богиня, – но не так, как прежде. – Похоже, сейчас, когда разговор зашел о душе, она почему-то утратила возможность читать его мысли.

– А как – не так? Что душа вообще такое? – решил окончательно прояснить не дающий ему покоя вопрос Аларих.

– Как?! Ты не знаешь, что такое душа?! – По всей видимости, сама мысль о том, что кто-то может не знать подобных вещей, так шокировала юную богиню, что она даже на мгновение замерла. – Ты же человек! – наконец очнулась от своего столбняка Верлерадия.

– И что с того? – не понял ее заявления Аларих. – Мы ланы, мы воины Степи. Мой отец продал свою душу Ллуарту, и это совершенно не мешает ему править Степью и побеждать всех своих врагов. Так для чего нам душа?

– Но без души ты же ничего не будешь чувствовать! Ни страха, ни горя, ни жалости, ни любви!

– И разве это плохо? – теперь уже озадачился Стальная Хватка.

Как-то он не особо будет переживать из-за потери столь позорного для воина чувства, как страх. Горе? Тем более такое чувствовать не хочется. Зачем оно людям? Для чего? Жалость и вовсе только помеха для отважного воина. В бою жалости не место. А любовь? Какой от нее прок? И зачем она воину? Разве без любви он не сможет развлекаться с рабынями? Сможет. Еще как сможет. Его отец тому самое прямое доказательство. Да и вообще, жил он как-то без любви двадцать пять лет, проживет и дальше.

Проведя такой простой расчет, Аларих решил, что при нужде вполне можно будет, хорошенько поторговавшись, все же согласиться на предложение слуги Ллуарта. Однако уже следующая фраза богини немедленно уничтожила возникшие в его голове торговые планы.

– Я назвала только четыре чувства, но их гораздо больше, – скорбно заметила Верлерадия. – А как же радость? Без радости ты тоже проживешь? Для чего тебе будут победы, если ты не будешь чувствовать от них радости? Для чего золото и рабыни, если ты разучишься наслаждаться жизнью?

Аларих задумался. С радостью Хранительница попала в самую точку. Радость ему нужна. Жить без радости ему не хотелось. А что еще она забыла упомянуть, а потом он хватится? Нет уж, бычьих ядра Ллуарту в глотку, а не его душу! Такая вещь нужна и ему самому, однозначно решил молодой вождь и продолжил свои расспросы:

– А что вы делаете с душами? Вам-то они для чего нужны?

– Собираем в своих чертогах, – улыбнулась Верлерадия. – А вообще, все зависит от того, какая именно душа. Если, к примеру, душа была продана и куплена, то она просто растворяется в посмертных чертогах того бога, который приобрел ее, увеличивая его могущество. Отпечатка личности-то такая душа не несет, личность остается в теле продавшего душу и после его смерти исчезает окончательно и полностью. А души простых верующих несут в себе личность того человека, которому они принадлежали при жизни. И после смерти идут в чертоги того бога, которому он служил. Там души проходят сортировку – по преданности богу, по совершенным ими грехам, по заслугам и прочему и либо напрямую в обитель, либо от грехов чиститься... Ну да ты знаешь, наверно; не может быть, чтобы ваши жрецы вам этого не рассказывали.

Ну а в обители у каждого бога все по-своему, в зависимости от его направленности. Я, например, дарю своим последователям покой и мир, счастье общения, дружбы и помощи. В чертогах у Веноссы, богини любви, царит любовь во всех ее проявлениях. Мы с ней хорошо взаимодействуем и даже подумывали об объединении чертогов, так что про ее дела я знаю неплохо. В чертогах других богов я не бывала, но думаю, там тот же принцип.

Смысл всего этого в том, если, например, ты являешься моим верующим и твоя душа, попав в мои чертоги, будет счастлива и после смерти, я тоже буду получать энергию. И продолжаться это будет ровно до тех пор, пока твоя душа остается довольной своим положением в моих чертогах.

– Пока довольна? А если нет? – уцепился за ее оговорку Аларих.

Про себя же он твердо решил, что такую глупость, как продажа души без самой крайней нужды, он ни за что не сделает. Даже если забыть про чувства, возможность сохранить собственную личность и после смерти слишком ценна, чтобы отказываться от нее из-за всяких там глупостей вроде завоевания всего мира. Вообще какой смысл покорять мир, ежели это не принесет тебе никакой радости и удовольствия? И для чего этот мир тогда ему, Алариху Стальной Хватке, нужен? Что с ним делать? Так что предложение Ллуарта однозначно мошенническое. Обманул хитрый бог его отца, и как обманул! Но ничего, хорошо хоть он, Хватка, сумел разобраться, что тут к чему, и не поддался на ложь и угрозы слуги кровавого божества.

Меж тем, пока он предавался этим размышлениям, богиня продолжала свой рассказ:

– Если душа недовольна местом своего пребывания? Тут есть варианты. Некоторые боги, чья сила основана на боли и муках, способны задерживать души в своих обителях, причиняя им сильные мучения и увеличивая от того свое могущество. Им обычно отдаются души тех людей, которые по моральным качествам не подходят для обителей других богов. В остальных же случаях соскучившиеся по жизни души просто покидают чертоги светлых богов, чтобы вновь родиться здесь или в иных мирах.

– И вы их так и отпускаете? – не поверил вождь. – Ты ж говоришь, что, находясь в этих ваших чертогах, они приносят вам силу?

– Светлые боги просто не могут задерживать человеческие души против их воли, – пояснила богиня. – Да и смысла в этом особого нет. Ведь родившиеся заново в этом мире или в другом все равно будут продолжать мне поклоняться, под этим или другим именем, ведь чувства у всех людей все равно одинаковы.

– Хитро! – уважительно заметил вождь. – Хоть так, хоть так, ты все равно с прибылью.

– Не то слово! – фыркнула Верлерадия и засмеялась: – У тебя сейчас такое озадаченное лицо. Ты считал своего Ллуарта примитивным? Ошибся. Он ничем не отличается от меня. Разве что ему нужна кровь и война, а мне мир и покой.

– А что с моей душой станет, если она к нему попадет?

– Откуда мне знать? – пожала плечами Верлерадия. – Если продашь душу, скорее всего, она пойдет на укрепление его чертогов. Есть, правда, шанс, что после твоей смерти он сочтет более выгодным сохранить твою личность, так как душа с личностью способна давать больше энергии. Но в любом случае приятного будет мало. Ллуарт – один из тех, кто способен задерживать у себя души против их воли, так что не думаю, что пребывание в его обители может кому-нибудь понравиться. Садист он и есть садист, – недовольно пробурчала девочка. Было заметно, что Ллуарта она явно недолюбливает.

– А кто такой садист? – заинтересовался Аларих новым неизвестным ему ругательством.

– Садизм – это желание причинить боль. Как у вашего Безумного – как его там. Представь, что твоя душа попадет к нему.

На воображение Стальная Хватка никогда не жаловался, тем более что ему не раз доводилось видеть «развлечения» Безумного Лучника с доставшимися ему рабами и пленниками. Подобная перспектива его никак не вдохновляла.

– Моя душа к Аркалю? – на всякий случай переспросил он и после утверждающего кивка Верлерадии решительно заявил: – Завтра же прирежу гада. Хотя нет. Лучше прикажу Лису его отравить, чтоб не смущать остальных сотников, – подумав, переменял свое решение Аларих.

– Его-то ты убьешь, – со вздохом вновь принялась за разъяснения богиня. – А вот Ллуарта ни зарезать, ни отравить ты, к сожалению, не сможешь.

– А что же тогда? – спросил Аларих. Учитывая полученные им знания, расставаться с собственной душой ему категорически расхотелось.

– Ну, насколько я вижу висящий на тебе договор, пока ты не воюешь, душа у тебя. Проживи свой век в мире, не призывая Ллуарта на помощь, и он не сможет ее захватить.

– А потом мне свою душу к тебе пристроить?

– Ну что ты ею так разбрасываешься? – фыркнула Верлерадия. – Не спеши от нее избавляться, подумай сначала, вдруг я тебя тоже не устрою. Да и вообще... Ты слишком любишь бои, славу и победы. Боюсь, в моей обители тебе будет не слишком-то уютно.

Аларих задумался. Жить в мире, останавливать так удачно начавшиеся завоевания ему не хотелось. Вся его жизнь прошла под знаком войны, и отказываться от продолжения захватов было нестерпимо обидно. Но... нежелание терять душу было куда сильнее, чем жажда

продолжения боев. В конце концов, живут же как-то люди, ни разу не водившие в бой ни одного полка. И некоторым это даже нравится!

До этого момента Хватка, правда, сохранял некоторую надежду на то, что Хранительница попросту обманывает его, расписывая ужасы потери души с целью самой захватить ее, когда он, напуганный рассказом об ожидающих его в чертогах Ллуарта ужасах, кинется к богине за помощью. Но ее фактический отказ от предложения перейти в ее веру означал, что, скорее всего, она говорила чистую правду. Ведь при любом исходе никакой выгоды она не получала, а значит, и смысла лгать для нее не было никакого!

Решив так, юный вождь немедленно принялся планировать свои будущие действия.

В последнее время его войска сделали слишком большой бросок, причем ведя почти непрерывные бои. В любом случае бойцам требовалась остановка, отдых. И, раз уж он решил прекратить свой поход, этим нужно было воспользоваться по полной.

В первую очередь следовало восстановить столицу Ромейской империи – точнее, теперь уже его столицу. Столицу ромейской провинции Великой Степи. Отремонтировать дороги, наладить торговые пути. Это в первую очередь. С восстановлением торговых путей начнется приток золота в казну, что позволит, рассадив на выгодные должности некоторых из военачальников, избежать их недовольства в связи с прекращением похода.

Им удалось отхватить очень лакомый кусочек земли, так надо закрепить на нем свои позиции. Практику поголовного ограбления населения и вырезания всех недовольных или просто ненужных завоевателям людей следует немедленно прекращать. Раньше, когда он воспринимал захваченную империю только как удобный плацдарм для следующего броска, это было разумно. Но сейчас, когда из-за глупой сделки, заключенной его отцом, он вынужден для сбережения собственной души прекратить свой великий поход, такие действия были совершенно неправильны. Своих подданных или тех, кто может стать ими, основу сил, могущества и богатства любого правителя, следовало беречь.

«Придется, пожалуй, убить работоторговцев, которым мы продали захваченных вчера пленников, и отпустить рабов на свободу. Так они смогут принести мне куда больше пользы, – решил про себя Аларих. – Ну и поделом этим ублюдкам, они мне никогда не нравились, – мелькнула у него довольная мысль. – Полезны, конечно, были, тут вопросов нет, но только пока продолжались бои. А раз я решил остановиться, новых пленников больше не будет, соответственно и платить они мне тоже не будут, а тогда зачем они нужны? А значит, пополнить свой карман за их счет можно и нужно».

Пришедшая в голову идея нравилась вождю все больше и больше. «Решено. Завтра же отдам приказ разграбить рабовладельческие караваны. Думаю, воинам это понравится». – Приняв такое решение, он продолжил составлять свой план по распоряжению захваченной империей.

Верлерадия в его рассуждения не вмешивалась, молча поглаживая Хватку по длинным, изрядно засаленным волосам и изредка поглядывая на углубившегося в свои мысли молодого вождя каким-то странным, словно оценивающим взглядом.

– Всем желающим воинам разрешу жениться на местных женщинах. На свадьбу таким семьям буду выдавать приличный земельный надел и прикреплю несколько рабов, понимающих толк в земледелии. Мы кочевники и не знаем даже, с какой стороны подойти к плугу, но ромеи им в этом помогут. Надо только подсчитать количество захваченных крестьян. Думаю, этого хватит для того, чтобы соблазнить часть воинов стать землевладельцами. Да, как раз все отлично получается. Деньги – в казну, ремесленников отпустить восво-яси, пускай налоги платят, а крестьяне будут при деле и опять же станут пополнять золотой запас страны. Правда, женщин придется пока оставить рабынями.

– А без этого никак? – холодно поинтересовалась целительница. – Почему бы просто не отпустить женщин, чтобы они вышли замуж по доброй воле?

Аларих изумленно вздохнул и поднял глаза на не понимающую простейших вещей богиню. Если при рассуждениях о душе Верлерадия поражалась его необразованности, то теперь, когда речь зашла о простых земных вещах, настала уже его очередь читать лекцию.

– Мы завоеватели, – пояснил он ей ход своих мыслей. – О какой добровольности может идти речь, когда мы захватили страну и устанавливаем свои порядки? К тому же мои ребята здесь изрядно порезвились. Не думаю, что среди пленниц, если дать им свободу и право выбора, найдется достаточное количество готовых выйти замуж за моих воинов. Впрочем, не волнуйся. Жениться воины на выбранных ими женщинах будут по всем законам, и после свадьбы девушки получают свободу и все права, которыми пользуются свободные замужние женщины ланов. А там уж, после замужества, стерпится-слюбится. Иного варианта я не вижу.

Верлерадия нехотя кивнула, признавая его правоту.

– Не скажу, что я в восторге от твоих планов, – пробормотала она и наконец-то убрала его голову со своих колен. – Все-таки ромеи поклонялись мне более пятисот лет, и я уже успела сродниться с ними. Впрочем, ты не замышляешь их массовое убийство, и это уже хорошо.

Аларих опять стал попытаться подняться, но она его остановила:

– погоди, еще не все. Шевелиться уже можно, но на ногу наступать пока не надо. Можешь сесть, если устал лежать, – добавила она, наклоняясь над пострадавшей конечностью и поводя руками в непосредственной близости над ней.

На взгляд Алариха, в каких-то дополнительных действиях уже не было никакой нужды. Нога выглядела и ощущалась совершенно здоровой, и только неаккуратная окровавленная дыра в штанине напоминала о несчастном случае, чуть было не убившем молодого вождя. Впрочем, решил он, целительнице виднее. Так что он принял рекомендованную позу и принялся наблюдать за ее действиями.

Странное дело, сейчас склоненная над его ногой богиня казалась значительно старше и привлекательней. Ее грудь и бедра несколько увеличились, из облика исчезла детская угловатость. Так что теперь он разглядывал девушку не без некоторого (ладно, ладно, довольно сильного, – признался сам себе молодой вождь) мужского интереса.

Та меж тем, ничем не показывая того, что заметила проявляемое им довольно однозначное внимание, как ни в чем не бывало продолжала предыдущий разговор:

– Твой план поглощения ромеев ланами в общем и целом вполне хорош, если не считать его некоторую аморальность. Вот только уверен ли ты, что твоих людей хватит, чтобы ромеи потеряли свою народность?

– Степь большая, – пожал плечами Аларих, – а еды в ней маловато. Мой народ плодовит и размножался бы сильнее, если бы не суровые условия нашей родины. Здесь же мы быстро увеличим собственную численность.

– Но в этих краях иная жизнь, – улыбнулась Верлерадия. – Мягкий климат, плодородная земля, удачное расположение для торговли. Тут твоему народу придется не воевать, а созидать. Не боишься, что воины лишатся боевой подготовки?

– Кто-то и утратит, – пожал плечами Аларих. – Но я вовсе не собираюсь распускать войско. Тех воинов, которые у меня останутся, должно хватить для защиты границ. А остальным – тем, что станут землевладельцами, особая подготовка и не требуется. Все равно мне теперь больше нельзя вести завоевательных войн, – с печальным вздохом заметил он.

При этих словах богиня подняла голову и внимательно взгляделась в глаза воина, словно пытаясь понять, насколько твердо принятое им решение. И то, что она увидела, ее поразило. Молодой воин решительно знал, чего хочет. Вождь поставил перед собой цель и собирался ее достигнуть. И сила желания, с которым он стремился к воплощению задуманного, заво-

раживала. Сейчас перед богиней сидел не раненый лан, а правитель. Человек, способный создать самую могущественную империю, когда-либо существовавшую в этом мире.

По спине Верлерадии пробежал холодок. Теперь она ясно видела его будущее. Спасенный ею юноша огнем и мечом пройдет по всему миру, он прольет реки крови и создаст самую могущественную и богатую цивилизацию из когда-либо существовавших. Он покорит многочисленные народы, составляющие теперь уже бывшую империю ромеев, и будет железной рукой править на протяжении многих лет, оставив после себя сильнейшее и процветающее государство. Но сейчас его жизнь в ее руках. Она может прервать поток исцеления и обратить его вспять. Несмотря на то что подобные действия противны самой ее природе, она тем не менее могла так поступить. И тогда будущий император погибнет. Богиня целителей точно знала, что сейчас во всем мире нет ни одного лекаря, который смог бы справиться с подобным поражением. Разве что сразу после травмы ампутировать ногу. Но гордый вождь ланов, больше смерти боящийся стать калекой, никогда не согласится на подобную операцию.

А значит, он умрет. И вместе с ним умрет эта, только что созданная реальность, которую она увидела в его глазах. Одна жизнь против сотни тысяч. Но кто она такая, чтобы вершить судьбы мира?

Богиня? Да, богиня, но не судья. А кто тогда имеет право карать и миловать? Тот, кто создал богов? А ты уверена, что это его обязанность? Как легко переложить ответственность на кого-нибудь другого! Но в мире проблема выбора есть у всех, даже у богов. Ну что, богиня милосердия? Пощадишь одну жизнь, пожертвовав сотнями тысяч других? Или сотней тысяч в пользу одного? Верлерадия встряхнула головой, отгоняя от себя мрачные мысли, и поднялась на ноги.

В конце концов, в этом деле у нее был и личный интерес. Недаром же она в течение всей беседы мягко и незаметно меняла свою внешность с излюбленного облика девочки-подростка на внешность молодой, но вполне зрелой и сформировавшейся девушки.

– Ну что, будущий император? – хмыкнула она, завершая целительную формулу, и выпрямилась, протягивая мужчине руку. – Вставай!

Аларих по прозвищу Стальная Хватка, как и задумал той ночью в роще, восстановил столицу ромеев, прекрасный Ремул, наладил дороги империи и позаботился о торговле. Заботливой хозяйской рукой он навел порядок и в других областях и провинциях. Сельман Кровавый думал, что понимает задумку сына. Нельзя все сразу взять нахрапом. Воинам нужен отдых, оружие, доспехи, еда. Все это следует взять у захваченного народа, но однажды зарезанную овцу остричь уже не получится. Пусть план сына и замедлял поставленную им цель по захвату мира, но идущие из бывшей империи ромеев богатейшие налоги заставляли старого вождя с уважением относиться к действиям своего наследника и не вмешиваться в его дела. В империю под руководством Стальной Хватки возвращалось стабильность и процветание.

Развивались ремесла, торговля и наука, разрабатывались новые земли и месторождения. А вместе с ними развивалась и совершенствовалась армия Стальной Хватки. И хотя войн не было уже давно, мощь ее поражала соседних правителей, с испугом ждавших своей очереди пасть под копыта коней степных бойцов. Впрочем, многие из простых жителей этих стран, видя установившиеся на территории ромеев порядок и процветание, отнюдь не разделяли страхов своих правителей, втихаря завидуя подданным Алариха.

Ромеи смирились с завоевателями. Вопреки их страхам ланы не стали разрушать сложившиеся устои и порядки, не превратили захваченную нацию в рабов. Более того, они восстановили разрушенные ими же здания, построили новые дороги, сделали вокруг города

дополнительные укрепления, а также позволили сохранить населению свою религию и язык. Как тут возмутиться своим положением?

Более того. Новый император даже не стал вырубать священную рощу, а построил в ее центре красивую мраморную беседку, в которой проводил немало времени. Поговаривали, что там он советуется с самой великой и милосердной Верлерадией, и оттого его действия неизменно столь добры и благотворны.

Жизнь налаживалась. Как и предвидел Аларих, браки между жителями Великой Степи и коренным населением стали обычным делом, а потому население новой империи быстро росло.

Сам же Аларих радовал Тиллу цветущим видом и внутренним спокойствием. Лис рад был замечать на лице друга признаки счастья и довольства жизнью. Прошли те времена, когда от снедаемого черной меланхолией вождя в ужасе шарахались самые смелые и преданные военачальники. После посещения Священной рощи Хватка стал гораздо более собран, спокоен, рассудителен и даже добр, конечно настолько, насколько это вообще возможно для человека, довольно успешно правящего огромной империей.

Сам Лис остепенился и теперь со дня на день ждал в своем семействе пополнения. Бывшая жрица нашла подход к сердцу ветреного бойца и сейчас находилась на шестом месяце беременности. Карея убеждала, что будет мальчик, но сам он предпочел бы, чтобы его первым ребенком была девочка. Конечно, подобное желание шло против всех традиций ланов, согласно которым будущий отец просто обязан был мечтать именно о сыне – воине и наследнике, однако Лис и раньше-то никогда не обращал на традиции слишком много внимания. А уж сейчас...

Второй человек империи, один из лучших полководцев, отважный и жестокий степной воин, единственный друг и наперсник молодого императора Тилла Танцующий Лис даже сам себе не мог признаться в том, что бывшая пленница, когда-то рассказывавшая ему такие интересные сказки, глубоко запала в его душу. Так глубоко, что даже в собственном, еще не рожденном ребенке ему хотелось видеть отражение любимой.

Впрочем, даже если вопреки его желанию родится мальчик, это его не расстроит. Просто надо будет продолжать попытки, Лис вовсе не собирался останавливаться на одном ребенке.

– Чему ты улыбаешься? – хмыкнул сидящий рядом Аларих, заметивший блаженную улыбку, с которой его друг наблюдал за своей женой.

– Да так, – пожал плечами Тилла, глядя на исписанный стихами пергамент в руках своего вождя. – Подумал про свою сказочницу.

– Что-то их долго нет, – пробурчал вождь, глядя в сторону зарослей.

– Сказали ждать в беседке, значит, будем ждать, – вздохнул его друг и напарник.

– Да уж, – буркнул Стальная Хватка, скручивая пергамент. – Иногда я сам себя не узнаю. Тилла, скажи, и это мы?

– Тебе что-то не нравится? – встревоженно обернулся друг.

– Нет, – мотнул головой император. – Просто я никогда не думал, что могу быть счастлив без войны. И могу вот так спокойно сидеть, ожидая женщину... Если бы лет пять назад я услышал о подобном, ни за что бы не поверил.

– Да, – хлопнул Тилла по плечу друга. – Чтобы ты да кого-нибудь ждал... Особенно женщину... Как сейчас представляю: давно бы отдал приказ тому же Степному Ветру или Сыну Бури, и в течение трех минут любую тебе приволокли бы за волосы.

– Так и есть, – без улыбки ответил Аларих. – Вот только сейчас, ожидая их, я почему-то гораздо счастливее, чем мог быть тогда, раньше, когда мне стоило лишь мигнуть, чтобы получить любую женщину, которую я только мог пожелать.

– В этом и заключается сила и коварство женщин, – с той же серьезностью заметил Тилла. – Мы охотимся на зверей, завоевываем города и страны, покоряем врагов и кидаем все это к их ногам. А они охотятся за нами, стараясь захватить в плен наше сердце, либо приручают, как диких зверей. Тебе кажется, что все под контролем, ты чувствуешь себя королем мира. Она слаба и беззащитна. Она жертва в твоих руках, но на самом деле жертва здесь ты.

– Ты говоришь это с такой блаженной улыбкой, словно тебе нравится такой расклад, – тихо заметил Аларих, внимательно глядя на Тиллу. – По твоим словам, женщины – чудовища похлеще богов и демонов.

– Так и есть, – кивнул Танцующий Лис. – Они боги, идущие по земле. В них заключается настоящее бессмертие, – и, увидев заинтересованный взгляд Алариха, пояснил: – Я знаю про души и про то, что они дают. Но душа, пусть даже идущая по самому благополучному пути, к самому благорасположенному из богов, несет всего лишь твой отпечаток. А женщины... Карея носит под сердцем моего ребенка. Сына или дочь – неважно. И пусть даже я сгину, встретившись в бою с кем-либо, кто превзойдет меня в удачливости или умении обращаться с оружием, но частичка меня останется жить в этом мире. Мои потомки будут напоминанием того, что я все-таки был в этом мире. Века сотрут с камня письмены и фрески, уничтожат летописи и книги, но моя кровь будет жить. Пора бы и тебе, Ал, задуматься о наследниках.

– Пора, – согласился с другом Аларих. – Подумать пора. Но вот действовать... Знаешь, те девушки, что грели мою постель... Ни одну из них я не вижу в качестве своей жены и матери моего наследника.

– А если взглянуть на других? Неужели ты так и не нашел ни одной достойной твоего величества? – шутливо поинтересовался Лис.

– А та, что достойна, – не принял его тона Хватка, – видимо, не считает достаточно достойным меня.

– Это что еще за женщина такая, что тебя, сына и наследника величайшего вождя, правителя целой империи, не считает подходящей парой? – искренне изумился Тилла и замер, заметив тоскливый взгляд Алариха, устремленный на вышедших из-за высоких кустов мирно беседующих Карею и Верлерадию.

– Да, друг... – кивнул он своим мыслям. – А ты и впрямь не ищешь легких путей...

За прошедшее время облик богини претерпел сильные изменения. И сейчас высокая, статная и удивительно красивая женщина уже ничем не напоминала ту тошую, угловатую девочку-подростка, что впервые предстала перед юным вождем. Как настоящий ценитель женской красоты Тилла не мог не признать, что, несмотря на все богатство выбора, имеющееся у молодого императора, второй такой, как Верлерадия, не найти.

Характер и ум богини милосердия не могли не привлечь к ней самого благосклонного внимания. Но вот ее происхождение... Как бы ни был силен и могуществен молодой император, богиня, пусть даже и их старая знакомая и хороший друг, – это уже совсем другой уровень. И теперь он хорошо понимал причины затаенной тоски в глазах Алариха и его нежелания искать себе невесту среди девушек человеческого рода.

Тилла обнял подошедшую жену и поцеловал в затылок. Хранительница Роши взглянула в глаза Алариха и отвернулась, будто бы заинтересовавшись резьбой беседки. Однако Лис успел заметить, как богиня поспешно спрятала улыбку. На мгновение ему показалось, что в ее глазах мелькнула какая-то непонятная решимость.

– Нам надо поговорить, – тихо обратилась она к Алариху, прекращая созерцание узоров.

– Да?

Миг слабости прошел, и перед женщинами вновь стоял собранный, решительный вождь. Недаром еще в ранней юности он получил почетное и ко многому обязывающее про-

звище Стальная Хватка. С тех пор Ал постоянно подтверждал своими делами право ношения данного имени. Что бы ни творилось в сердце императора, ни на его лице, ни на мыслях и поступках это не отражалось.

– Помнишь, когда я лечила тебя, пять лет назад, я упомянула, что хочу кое о чем с тобой договориться? – спросила богиня.

Как всегда чуткий, Лис понял, что сейчас этой странной паре не нужны свидетели, и, обняв Карею, поспешил скрыться в кустах.

Аларих проводил их взглядом и задумчиво взмахнул рукой.

– Ты тогда еще на мой вопрос, о чем именно, сказала, что «не время», и перевела разговор в другое русло, – вспомнил он.

– Да, это так, – кивнула богиня. – Теперь время настало. – Она ненадолго замолчала, нервно теребя пальцами краешек своей туники.

– И чего ты хотела? – прервал воцарившееся молчание Аларих. Про себя он уже решил, что исполнит любое ее желание, если это, конечно, будет в его силах.

– В основном две вещи, – задумчиво произнесла Верлерадия. – Первую ты исполнил без всяких моих просьб, когда не стал уничтожать Ромейскую империю и позаботился о ее населении. А вот сейчас я хочу попросить у тебя ребенка. – И девушка внимательно взглянула в глаза лана, словно ища в них ответ на свой вопрос.

– Что? – В первый момент Аларих решил, что ослышался. Потом подумал, что, как уже бывало, неправильно понял богиню, и решил уточнить: – В смысле? Чтобы я принес тебе в жертву ребенка?

Подобная просьба шла как-то вразрез со сложившимся у него в сознании образом богини, пропагандирующей милосердие и неприятие человеческих жертв. «Однако обстоятельства бывают разные, – подумалось Хватке, – мало ли по каким причинам ей могла потребоваться подобная жертва». Это было вполне в традициях тех богов, под покровительством которых он вырос, и потому он не видел в таком желании ничего слишком уж особенного. Поскольку ответа на свой предыдущий вопрос он так и не получил и, сочтя молчание опешившей Верлерадии знаком согласия, решил уточнить параметры будущей жертвы:

– Мальчика или девочку? Какого возраста? Подойдут ли рабы или это должен быть отпрыск какого-либо знатного рода?

– Да как ты мог до такого додуматься?! – справилась наконец с охватившим ее столбняком богиня. – Я. Не приемлю. Кровавых. Жертв, – чеканя каждое слово, произнесла она. – Никогда. Ни при каких условиях! Ни за что, даже ради спасения собственной жизни! А уж тем более – убийство ребенка! – в конце она перешла на крик и вдруг заплакала, закрыв лицо узкими ладонями.

Аларих вздохнул и, желая утешить, осторожно обнял Верлерадию. Вновь, как и пять лет назад, ему стало жаль прижавшуюся к его плечу и тоскливо всхлипывающую богиню. И опять, как и тогда, он не знал, что сказать или сделать, чтобы не усугубить ее слез. Поэтому мужчина молчал, лишь изредка глядя девушку по длинным, мягким, словно зрелый лен, волосам.

– Я хотела ребенка вовсе не в том смысле! – Отчаянные всхлипывания сложились наконец в более-менее различимые и понятные для не умеющего читать мысли человека фразы. – Я от тебя ребенка хотела! Родить...

Услышав последнее слово, Аларих буквально закаменел.

– Что??? – не веря в собственное счастье и опасаясь, что ему просто послышалось, переспросил он. – Что ты сказала?

– Я хочу родить от тебя ребенка, – убрав руки от лица, твердо произнесла девушка и решительно взглянула в его глаза. – Вот. Не так часто среди людей рождается подходящая для богов пара. И я не такая дура, чтоб упустить свою удачу из-за глупых предрассудков.

Но если ты не хочешь, – вдруг робко всхлипнула она, – я все пойму, я приму любое твоё решение. Ты согласен?

Аларих не смог сдержать вылезшую на лицо веселую усмешку.

– Так вот, значит, что чувствует женщина, когда ей делают предложение руки и сердца, – улыбнулся он. – Интересные, надо сказать, ощущения. Я согласен, моя императрица!

Время летит. Быстрее всего оно мчится, когда дело касается смертных. Особенно смертных, загруженных делами и несущих на своих плечах бремя власти. Со дня свадьбы молодого вождя Алариха Стальная Хватка и богини – покровительницы ромеев Верлерадии Милосердной прошло три года.

Много событий случилось за это время. Не дождавшись появления на свет долгожданного внука, умер могущественнейший вождь и безжалостный завоеватель, основатель раскинувшейся на две трети мира Великой Степи, Сельман Кровавый. Вступивший в права наследства Аларих официально объявил себя императором и, не желая жить вдалеке от любимой жены, перенес столицу в Ремул. Некоторые из древних степных родов, осмелившись возражать данному решению, захлебнулись в собственной крови. Та же участь постигла и тех, кто решил воспользоваться временным благодушием Алариха и рискнул поторговаться для получения некоторых преференций. После столь наглядной демонстрации те, кто остался в живых, мудро рассудили, что «яблочко от яблони далеко не падает» и что сын Сельмана Кровавого вполне достоин своего отца, заслужившего свое прозвище отнюдь не из-за пристрастия к алому цвету.

В положенный срок, спустя три месяца после коронации, у молодого императора родился сын. То, с какой пышностью отмечал знаменательное событие счастливый отец, произвело немалое впечатление на всех, кому повезло принять участие в празднике.

Но во всем хорошем может таиться зачаток будущей беды. Слишком много времени прошло с последнего наступательного похода ланов. Некогда отважные степные воители все чаще и чаще предпочитали мирные пути решения проблем, не желая лишней раз рисковать своей счастливой жизнью. Постепенно соседи Великой Степи перестали волноваться за свои границы. За восемь лет существования империя больше не предпринимала никаких попыток нападения, она росла, богатела, развивалась.

Все чаще и чаще ее диковинные разработки и несметные сокровища будоражили умы ближайших государств. Но если раньше их останавливала осторожность и страх перед могучей армией, то теперь жадность притупляла инстинкт самосохранения. Да и армия была уже не та. Восемь лет мира, довольства и сытой жизни – достаточный срок, чтобы расхолодить даже самых непримиримых и жестоких головорезов.

А в это время в Дарайском королевстве, основном западном сопернике империи ланов, умер король. Взошедший на престол наследник, Норберт Свирепый, опасений отца не разделял и решил попробовать на зуб лежащие на востоке богатые земли Степной империи.

«Разве они опасны? – все чаще размышлял он, слушая доклады шпионов. – Они разжирели и потеряли хватку. Аларих слишком озабочен развитием мирных ремесел. Да стоит ли ждать отваги и воинской сноровки от императора, который пишет стихи и даже не скрывает этих своих наклонностей? А ведь у них такие земли!»

И так думал не он один. Обширные богатые земли вызывали зависть у всех соседей, и по мере того, как слабел страх перед бесчисленными туменами степных воителей, сильнее и ярче разгоралась жадность и крепло желание отщипнуть у Великой Степи лакомый кусочек неисчислимых богатств. Идеи Норберта нашли много последователей, и все новые и новые страны, княжества, герцогства и королевства присоединялись к тщательно сколачиваемому им союзу.

И вот настал день, когда огромная армия союзников под предводительством дарайского короля направилась в сторону Великой Степи. Первые стычки произошли на западной границе бывшей Ромейской империи. За первый месяц войны империя потеряла шесть городов. Когда об этом доложили Алариху, он чуть не завыл от злости. Глянув на карту мира, великий император гневно ударил кулаком по столу. Проклятый контракт. Проклятый Ллуарт, из-за которого он не мог сам вступить в битву. Два тумена отборных воинов – все, что он смог набрать за столь короткое время, – отдал Аларих Тилле, и как всегда веселый и улыбочивый Лис поцеловал жену, обнял дочь и сына, взмахнул рукой со сверкающей саблей и отправился в бой, пообещав, что вернется с победой или не вернется вовсе.

Он не вернулся. Гонцы рассказали Алариху о последних минутах его друга. Тилла вел в бой воинов Степи, и армия противника была уже почти сокрушена отважными воителями, когда из глубины смешавшихся вражеских рядов показались странные устройства. Они походили на прикрепленные к огромным колесам бронзовые трубы.

Неизвестное оружие извергло из своих утроб огонь вместе с густым вонючим дымом, и тотчас на ряды воинов обрушился удар страшной силы. Как трава под косой крестьянина, пали отважные бойцы, пораженные силой неведомого оружия. И лишь поспешное отступление позволило спастись тем немногим, кто доставил императору эти печальные известия.

Тилла, сражавшийся в первых рядах, был разорван вместе с конем этой странной и неведомой силой.

Так говорили гонцы, стыдливо отводя взгляд от вопрошающего взора императора, и затаенный страх сквозил в каждом их слове и движении.

– Что это? – спросил император у жены. – Это и есть та самая магия, о которой ты говорила когда-то?

– Нет, – покачала головой Верлерадия. – Будь это магией или деяниями богов, я бы знала и могла помочь. Но это, увы, дело рук человека.

– Понятно, – кивнул император и нежно обнял своего сына. – Не беспокойся, любимая. То, что создано одним человеком, вполне может быть уничтожено другим.

– Ты идешь на войну? – с тревогой и ужасом спросила богиня, глядя в глаза своего императора.

– У меня нет иного выхода, Рада, – прошептал он, прижимаясь своим лбом ко лбу жены. – Если я вступлю в бой, то потеряю душу, но если не сделаю этого, то лишусь всех вас. Погибнет не только империя, но и мой народ. А больше всего я переживаю за тебя с сыном. Дарайский король не оставит вас в живых. А этого я не могу допустить. Я люблю тебя и маленького Аттала, люблю больше всего на свете.

– Я тоже люблю тебя, мой император, – прошептала Верлерадия, сдерживая слезы в глазах. – Знай: те, кто лишен души, не могут войти в священную рощу, а я не могу ее покинуть. Но я всегда буду с тобой, а ты будешь в моем сердце.

– Я велю построить высокий дворец на опушке леса, – вздохнул император. – Оттуда я смогу видеть тебя. А сейчас мне пора идти. Если б ты знала, как я хочу остаться. Но, видно, такова судьба мужчин – жертвовать всем: жизнью, душой, любовью ради защиты семьи и империи. И мне не избежать платы.

– Иди, мой император. – Верлерадия ласково заправила ему за ухо прядь выбившихся волос и погладила пальцами по щеке. – Я буду ждать тебя, каким бы ты ни вернулся.

Император поцеловал жену, обнял сына, затем взял в руки щит и направился прочь из рощи. У края поляны он не сдержался, в последний раз взглянул он на своих любимых и поспешно скрылся.

Из хроник летописцев империи Ромей

Огнем и мечом проишлись по миру войска ланов, и вспомнили соседи, что такое страх, но было поздно. Вода в реках стала красной от пролитой крови, и не щадили разъяренные варвары ни детей, ни женщин, ни стариков. И только волки были, справляя кровавый пир в опустевших городах и весях уничтоженных стран. А впереди безжалостного воинства шел император Аларих по прозвищу Стальная Хватка, и пусты были его глаза, холодно взирающие на творящийся по его приказу ужас.

А когда не осталось в напавших на него странах никого живого, повернул он назад и вновь воссел на резном престоле империи Великой Степи. И не было более подле него милосердной богини. Не мог более император входить в священную рощу, затворившуюся для него из-за пролитой крови. Но велел он построить рядом со святым местом дивный дворец и каждый день любовался ею с балкона...

Долго правил Аларих Первый, а когда почувствовал, что силы его иссякают, передал престол свой сыну Атталу. А сам вошел в священную рощу и, ступив на благословенную землю, упал наземь и умер. Говорят, что тогда рядом с ним в последний раз появилась в земном обличье всемилостивейшая богиня и, подняв его тело на руки, унесла в глубь священного леса. Ибо даже самые страшные злодеи, коим и был Аларих, раскаявшись, достойны прощения.

А еще говорят, что не умер он, но был погружен богиней в сон зачарованный, чтобы избежать той страшной участи, каковая предназначалась ему за его деяния. И если случится с империей, его трудами созданной, беда великая, то пробудит его богиня, дабы спас он ее, искупив трудом этим висящие на нем великие грехи. Но доподлинно то неизвестно, ибо молчит богиня, сколь ни вопрошали ее о судьбе первого императора.

А Аттал Справедливый правил долго и славно. И столь велик был внушенный Аларихом Первым ужас, что даже после его смерти боялись люди сказать хоть одно недоброе слово в адрес восседающего на престоле сына, а родичи сами убивали безумцев, осмелившихся хотя бы помыслить о неподчинении императорской воли.

Эпилог

Одно мгновение из жизни бездушного

Спустя семь лет после окончания Великой войны

Великий император всех народов мира сидел на балконе и наблюдал, как в священной роще молоденькая егоза-дриада играет в салочки с его сыном. Юная... Совсем юная девочка-подросток, еще даже не начавшая округляться в нужных для девушки местах. Сейчас, спустя годы, Верлерадия вновь выглядела так же, как и тогда, в лесу, во время их первой встречи. После расставания с ним она вновь вернулась к излюбленному обличью.

Аларих печально вздохнул. Считаю, что люди, лишённые души, не способны на чувства, богиня ошибалась. И ошибалась довольно сильно. Пусть не так явно, пусть не с той силой, но он все же скучал по ней и приходил сюда, чтобы сверху понаблюдать за тем, как та, которую он любил, играет с их сыном.

Она всегда чувствовала, когда он появлялся на балконе, и иногда махала ему рукой. В такие моменты Аларих в ответном приветствии салютовал сжатой в кулак рукой. И только сын видел, какой глубокой печалью наполнялись на мгновение глаза матери, совсем не соответствуя юному, даже скорее детскому облику их обладательницы.

Аларих же в свою очередь благодарил богов за незнание Рады о том, что бездушные не лишены всех чувств. Пусть думает иначе. Так ей будет лучше. Легче.

Прервав свои размышления, император мира покинул балкон и сел за письменный стол из драгоценного розового дерева, придвинув к себе толстую стопку ждущих утверждения смертных приговоров. Пора приниматься за работу. Но, прежде чем поставить свою подпись

на первом из многочисленных «листочков смерти», лежащих перед ним, император вновь поднял голову и полными тоски глазами всмотрелся в выходящее к священной роще окно, не в силах оторваться от наблюдаемой сцены.

Громко смеется растрепанный, одетый в одну только набедренную повязку черноголовый мальчишка со сверкающими голубыми глазами и, ловко прыгая по низко склоненным ветвям деревьев, старается поймать весело визжащую и нарочито медленно ускользающую мать. Мать, которая выглядит его ровесницей...

– Будь счастлив, сын, – еле слышно прошептал император. – Мне пришлось дорого заплатить за ваше благополучие, но ты, Аттал, будь счастлив и правь спокойно. У тебя врагов не осталось. Я позаботился об этом. – И сжавшаяся в кулак рука сомкнулась на рукояти кинжала.

Самый страшный зверь

Стоял знойный летний день. Такой, какой бывает в середине июля, когда воздух колеблется от жары и лень даже пошевелиться, чтобы не нарушить хрупкое равновесие организма с окружающей средой. С деловитым квохтаньем в огороде возились куры. Кот, разлегшись на заборе, равнодушно наблюдал за ними. Под забором развалилась собака и нехотя следила за шевелением кота.

Состояние общей дремоты разрушил стук конских копыт и металлический лязг, и вскоре на главной сельской улице появилось два рыцаря. Несмотря на смертельную духоту, местные сплетницы тут же оживились. К их великому восторгу, рыцари затормозили и, подняв забрала, заозирались.

– Эй, бабушка! – заметил правый рыцарь одну из местных кумушек. – Далеко ли до Турмена?

– Прилично, милоч, еще сутки пути, – прошамкала одна из них.

– У нас еще неделя впереди, – заметил левый рыцарь. – Может, остановимся, отдохнем?

– Хорошая мысль, – согласился второй и спешился. – А где у вас тут постоянный двор и таверна?

– Вниз по улице и направо. Корчма «Веселый редьковод», – поспешила ответить одна из кумушек. – Там и комнаты сдают, и отдохнуть можно. А других заведений у нас и нетути больше!

Весело переглянувшись, рыцари направили своих скакунов в указанном направлении и вскоре уже сидели за грубо сколоченным, но чистым и довольно аккуратным, набело скобленным столом, дожидаясь заказа.

– Что будем пить, господа? – деловито поинтересовался корчмарь, расставляя перед довольными воинами глубокие деревянные тарелки с жареной бараниной и гречневой кашей, обильно политой чесночным соусом.

– Как что? – даже изумился подобной постановке вопроса один из «благородных сэров», молодой, отчаянно-рыжий парень лет двадцати пяти, с когда-то перебитым, неправильно сросшимся носом и хитрецей в глазах. – Если мне не изменяет память, то именно здесь мне когда-то удалось попробовать уникальный напиток из знаменитой молодильной редьки. – Он замолчал и выжидающе посмотрел на трактирщика, прикоснувшись рукой к висящему него на поясе приятно округлому кошельку.

– Брага как брага, – поморщился хозяин, похоже не разделяя восторженного отношения гостя к данному напитку. – На вкус – дрянь редкая. Одно только и достоинство, что сколько ни выпей – наутро никакого похмелья. Может, уважаемые господа все же предпочтут Можайское? Мне недавно завезли немного. Так что осмелился бы рекомендовать...

Однако данное предложение не вызвало никакого понимания у сидящих за столом. Дружно сморщенные носы однозначно показывали, что альтернатива никоим образом не устраивает пришедших, а слова второго из путников – черноволосого гиганта с бешеными и какими-то злыми черными глазами окончательно поставили крест на предложении трактирщика.

– Можайское? Эту кислятину?! Ты издеваешься над нами? – Рыцарь даже привстал, яростно сверкнув глазами, однако зарождающийся конфликт был немедленно погашен его спутником, похоже, привычным к подобным вспышкам ярости:

– Тише, сэр Эйтингтон, тише. Он просто хотел быть любезным. Не стоит учинять скандалов.

Коротко выдохнув, черноволосый сэр Эйтингтон послушно уселся на свое место и, взяв с тарелки баранье ребро, яростно вцепился в него зубами.

– Милейший, вы поняли, что неправы? – все так же кротко и спокойно обратился рыжий к побледневшему от страха трактирщику. – Если два благородных сэра, почтившие своим присутствием вашу убогую забегаловку, желают отведать божественного напитка, который изготавливается в этом захолустье, где по неведомому капризу Создателя только и произрастает молодильная редька, то вы должны немедленно его доставить, а не предлагать нам всякую кислую дрянь в качестве замены! Вы слышали – немедленно!!! – И его голос приобрел стальные нотки.

– Как пожелаете, сэры! – откликнулся трактирщик, однако, отступив на несколько шагов, все же решился на вторую попытку. – Осмелюсь только заметить, многоуважаемые, что напиток этот весьма недешев... Увы, но изготавливается он, как вы сами заметили, из...

– Ты еще здесь? – неискренне изумился рыжий. – Сэр Эйтингтон, вам не кажется, что это уже начинает смахивать на оскорбление?

Черноволосый начал было приподниматься из-за стола, похоже среагировав на ключевое слово «оскорбление», но хозяин уже испарился из зоны видимости. И через какое-то время появился вновь, таща на подносе немалых размеров стеклянный штоф, заполненный мутноватой белесой жидкостью.

«Отдых» двух благородных кавалеров был в самом разгаре, когда дверь трактира открылась и в нее вошел еще один мужчина, весь внешний вид которого указывал на его принадлежность к благородному сословию служивых рыцарей королевства Тараскан.

Увидев наших героев, он немедленно заспешил в их сторону.

– Приветствую уважаемых собратьев, – вежливо наклонил голову новопришедший, демонстрируя небольшую плешь на самой макушке. – Позвольте присоединиться к вашей компании? Встретить достойных собеседников в данном захолустье – большая удача!

– Прощу вас, – немедленно откликнулся рыжий, незаметно пихая в бок увлеченно обгладывающего баранью кость черноволосого. – Позвольте представиться: сэры Лакастерн. – Он слегка привстал со своего стула и вежливо поклонился.

– Сэр Эйтингтон, – на секунду оторвался от кости его напарник и снова вгрызся в уже изрядно обглоданный мосол.

– Сэр Варгерн, – назвал свое имя плешивый, присаживаясь с краю стола, и заинтересованно повел носом в сторону опустевшей на треть бутылки.

– Позвольте полюбопытствовать, что вы пьете? Неужели?..

– Именно оно! – горделиво приподнял голову Лакастерн. – Хозяин изрядная каналья, но если на него как следует надавить... – Он горделиво кивнул в сторону бутылки.

– Спасибо за совет, – откликнулся сэры Варгерн и заорал в сторону стойки: – Мне того же, что и у этих джентльменов! Включая и напитки! Живо, мошенник! – после чего обернулся к новым знакомцам. – Вы по королевскому призыву, в Турмен?

– Да. Известия о сборе армии застали нас в Лакстере, так что, дабы не объезжать горы, мы решили идти через Редькинский перевал. Захолустье, конечно, но, как гласит кодекс, рыцарь должен доблестно переносить все тяготы службы. Опять-таки возможность срезать три недели пути... – объяснил причины своего появления здесь рыжий сэры Лакастерн. – Вы, подозреваю, тут по этой же причине?

Сэры Варгерн кивнул. Тут наконец-то появился хозяин с очередной порцией гречки с бараниной и вожделенным напитком, и пришедшему рыцарю стало не до болтовни. Изрядно проголодавшись за время дороги, он немедленно приступил к насыщению.

Спустя еще полчаса к трем сидящим у стены рыцарям добавился и четвертый – невысокий и подвижный, словно капля ртути, светловолосый сэры Джорнетт, а по истечении часа и пятый прибывший вместе с оруженосцем – длинным, тощим пареньком с подозрительно бегающими глазами и щербатым передним зубом. За пазухой оруженосца копошилось что-то живое и заинтересованно пофыркивающее. Прибывшие расположились за соседним с

компанией столиком, отговорившись малым количеством мест. Представившийся сэром Амеллом, незнакомец получил свою порцию гречки с бараниной, бутылку браги и принялся за еду.

– Что у вас за праздник такой? – потихоньку спросил корчмарь оруженосца, осторожно подсовывающего небольшие кусочки хлеба и овощей себе за пазуху и с завистью поглядывающего на мутную бутылку, стоящую перед рыцарем. – Никогда в нашем захолустье столько рыцарей разом не бывало. О драконе, что ли, прослышали? Так ведь мы года два как в его величества канцелярию запрос послали. Думали уж, что забыли все про наши беды, а тут целых пять благородных сэров... – Судя по взглядам, которые трактирщик кидал на обедающих рыцарей, такое внимание их деревеньку вообще и его самого как представителя этой деревни отнюдь не радовало.

– Да не, – взмахнул рукой с зажатой в ней ложкой оруженосец, – какой дракон? Просто король объявил сбор войск в Турмене. То ли эльфов воевать собирается, то ли ормасцам силу продемонстрировать, то ли просто скучно ему стало... Так или иначе, а кратчайший путь до перевала через ваши Большие и Горькие и пролегает...

– Большие Редьки! – обиженно поправил его трактирщик.

– Да хоть Хрены, – усмехнулся юноша и вновь весело захрустел бараньими ребрышками, всем своим видом демонстрируя нежелание продолжать разговор.

Корчмарь печально вздохнул и отправился к себе за стойку, где принялся с отчаянной яростью протирать кружки, фальшиво насвистывая «Овечку Долли».

По всей видимости, обладающий минимальным музыкальным слухом оруженосец морщился, но терпел, а вот загадочное создание за пазухой парня, откликаясь на режущие ухо звуки, протестующее зафыркало и начало что-то грызть в такт трактирщиковому свисту.

Наконец длинный обед, плавно перетекший в ужин, был закончен и благородные рыцари, изрядно пошатываясь, поднялись из-за стола.

– Эй, ты, – махнул рукой, подзывая трактирщика, сэр Лакастерн. – Держи плату и прикажи приготовить нам комнаты получше да девок погорячее! – Последняя фраза рыжего рыцаря была встречена дружным смехом и одобрительными возгласами всей подвыпившей компании. Взлетевший в воздух золотой кругляш шлепнул по ловко подставленной ладони трактирщика и мгновенно исчез из виду.

– Ну, чего ты там телишься? – видя, что кабатчик не торопится выбираться из-за своего укрытия, раненым кабаном взревел сэр Эйтингтон. И без того небольшие глаза громилы злобно сощурились, быстро заплывая привычной яростью.

– Простите, господа, – с непривычной твердостью отозвался трактирщик, осторожно приоткрывая небольшую, скрытую за стойкой дверь и готовясь нырнуть в нее в случае нужды. – Прежде чем предоставить вам комнаты, мне бы хотелось получить остальную часть платы за ваш обед, – твердо закончил он.

– Остальную часть? Ты уже получил целый золотой! – с изумлением отозвался сэр Лакастерн. – О чем ты говоришь, мошенник? На эти деньги можно накормить целый взвод, тем более такой дрянью, как твоя каша!

– Речь не о каше, уважаемые, – с дрожью в голосе ответил трактирщик. – По распоряжению короля все заведения, торгующие напитками из молодильной редьки, – он кивнул на стоящие на столах бутылки, – не имеют права отпускать ее по стоимости ниже чем золотой за кварту, каковые деньги и обязаны вносить королевским сборщикам налогов при ревизии проданного. Испытывая искреннее уважение к вам, благородные сэры, я возьму с вас лишь стоимость налога... С вас еще пять золотых, – завершил он свою речь, вновь кивая на опустевшие бутылки.

– Да это издевательство, – вновь взревел сэр Эйтингтон, стараясь выбраться из-за стола и осторожно ощупывая висящий у пояса не такой уж и толстый кошелек. – Да я этого мошенника...

– Сэр, это приказ короля! – спешно ретируюсь за дверь и готовясь ее захлопнуть, прокричал трактирщик.

Злобно заворчав, сэр Эйтингтон все же остановился. Идти на плаху за оскорбление его величества, чрезвычайно щепетильно относящегося к таким вопросам, черноволосому громиле категорически не хотелось. Впрочем, перспектива заплатить запрошенную трактирщиком сумму радовала его еще меньше. Похоже, четыре его новоприобретенных товарища также не удосужились полюбопытствовать о цене интересующего их напитка и теперь судорожно ощупывали свои кошельки, целиком и полностью разделяя его мнение.

Разумеется, они вполне могли бы попросту повесить трактирщика, объявив его оскорбителем дворянской чести, но вставшую перед ними проблему подобное действие никак не решало, а скорее усугубляло. К пополнению казны король относился еще более щепетильно, чем к защите своей чести, и в случае невыплаты положенной суммы плюс штрафа за смерть трактирщика виновные в этом рисковали сами оказаться на том же суку.

В делах, касающихся золота и финансов, король был вовсе не склонен разбираться в степени вины и благородства. И если за заговоры, оскорбления чести и даже «покушение на величие» виновники-дворяне могли рассчитывать на благородное обезглавливание, то в вопросах, касающихся укрытия налогов, наказание было только одно.

И благороднейшие герцоги крови, уличенные в укрывании от казны части поступившего с имений дохода, вздергивались на ту же виселицу и той же веревкой, что и презреннейший из торговцев, не внесший мытарю положенную мзду за последнюю проданную партию скабрзных картинок.

– Я вижу, господа находятся в некотором затруднении?

Пока благородные сэры были заняты переглядыванием и судорожным подсчетом имеющийся наличности, к их столу незаметно подошел немолодой мужчина среднего роста в чуть более дорогой, чем у обычных селян, одежде.

– Мне кажется, я мог бы подсказать вам выход из возникшего небольшого затруднения, – тем временем продолжил пришедший, украдкой оглядывая заинтересованно повернувшихся к нему рыцарей.

– Что вы хотите предложить? – выразил общее мнение сэр Лакастерн.

– Позвольте представиться, – в ответ поклонился мужчина. – Фрай Немет, местный староста. А предложение у меня довольно простое и, надеюсь, достаточно привлекательное для столь могучих и отважных рыцарей, временно испытывающих некоторые финансовые затруднения. Да будет вам известно, что по указу его королевского величества благородные рыцари, взявшиеся за защиту любого поселка, деревни или города нашего благословенного королевства, имеют право на бесплатный стол и постель в любом из заведений данного населенного пункта. Причем без ограничения списков блюд и напитков, все за счет королевской казны...

– И от кого же вас надо защищать? – недоуменно спросил сэр Эйтингтон. – Какие могут быть враги почти в середине королевства?

– Ах, благородные сэры, – печально вздохнул староста. – Как говорится, было бы богатство, а враги найдутся. Вот и у нас... Вы, конечно, знаете, что деревня наша издавна занимается выращиванием ценнейшего продукта, что произрастает лишь на одном поле в горах недалеко от деревни. Я говорю о молодильной редьке, – поспешил уточнить он, не дожидаясь дополнительных вопросов.

– И что? – недовольный столь долгой преамбулой, спросил сэр Эйтингтон, выдвигая вперед нижнюю челюсть и осматриваясь вокруг себя, словно в поисках неведомого врага, покушающегося на ценнейший продукт.

– Э-э-э... – сбитый с мысли протянул староста, однако быстро опомнился и торопливо протараторил, дабы не раздражать и без того гневливого сэра Эйтингтона: – Дракона убейте, ваши милости!!!

– Какого дракона? – так и опешил от подобного обращения Лакастерн.

– Ну я же говорю! Который поля разорывает! – в отчаянии закатил глаза староста Фрай.

– Так. А теперь еще раз, коротко и по порядку. – Рыжий рыцарь, незаметно возглавивший их маленькое общество, властно взглянул на затрясшегося старосту.

– Рядом с деревней два года назад появился дракон. Жрет молодильную редьку. Особо не наглет, людей и домашнюю скотину не обижает, но убыток наносит. Опять же помимо того, что сжирает, вытаптывает немало. А редька-то вся на учете стоит, королевский инспектор чуть ли не за каждым корнеплодом присматривает! Тут и на бражку-то, чтоб дома поставить, едва-едва спереть удастся, а с этим лиходеем и вовсе беда... – Тут селянин сообразил, что говорит лишнего, и поспешно зажал себе рот ладонью.

Понимающе усмехнувшись, рыцари переглянулись и дружно сделали вид, что ничего не слышали.

– Ну... Вот... И это... – наконец отмер Немет. – Опасаемся, значит, вдруг ему редька надоест да мясного захочется? Клыки-то у него во какие! – Судя по разведенным рукам старосты, размер пожирающего драгоценную редьку дракона должен был быть чуть поболее, чем пологая горка, на которой и располагалась деревушка. – Сегодня он одно ест, а завтра другое будет. А ежели вы дракона ухайдакаете, то самые что ни на есть настоящие защитники и получите. Так я, значит, господину инспектору и доложу, и в бумагах отпишу, каких следует. А как защитникам вам кошт положен, значит, это насчет питания и напитков всяких, – он скосил глаза на пустые бутылки, – без отказа и ограничения. Правда, про брагу мы особливо писать не будем, сами понимаете... Как вам такое предложение, уважаемые?

– Ваша идея интересна... – задумчиво протянул сэр Варгерн, почесывая лысину.

– Очень интересна! – поддакнул сэр Джорнетт, одергивая кольчугу.

Сэр Амелл слегка кивнул и зачем-то посмотрел в сторону оруженосца, как раз подсовывающего небольшую морковку в ворот своей рубахи, из которой немедленно донесся довольный хруст.

– Дракон? – радостно взревел сэр Эйтингтон, картинным движением кладя ладонь на рукоять гигантского меча. – Покажите мне, где обитает эта тварь, и еще до наступления ночи я принесу вам его голову!

– Как вы понимаете, мы согласны с вашим предложением, – подытожил сэр Лакастерн, обращаясь к старосте. – И действительно, пожалуй, не будем терять времени. До заката осталось не так уж и долго. Выделите нам комнаты. Мы выспимся, а завтра с рассветом отправимся в бой.

– Конечно, конечно! – улыбнулся староста и, повернувшись к мальчишкам, играющим с собакой, крикнул: – Ишка! Проводи господ на постоялый двор и скажи, что это защитники наши. Пусть им кров выделяют.

А когда рыцари удалились, ведомые подростком, староста подозвал второго пацаненка и, протянув ему медяк, наказал:

– А ты проследи, чтобы наши господа-защитники этой ночью от нас не смылись!

Ночью ничего не подозревающие сэры не сбежали и, встав рано утром, выдвинулись в бой. Всю дорогу сопровождающий их мальчишка нервно озирался и вздрагивал от каждого шороха. Не дойдя до логова дракона нескольких сотен метров, пацаненок махнул рукой в сторону виднеющегося между деревьями просвета и пролепетал:

– А дальше, благородные сэры, идите сами. Я не хочу вызывать на себя гнев зверя, если вы его не убьете.

– Ах ты трус! – взревел сэр Эйтингтон, сжимая ладони в здоровенные кулаки.

– Тише, друг! Погоди! – перебил его сэр Варгерн. – Не будем предупреждать дракона о своем прибытии! Иди себе, парень, – махнул он на мальчишку рукой.

Напуганный ребенок ошалело кивнул и кинулся прочь.

– Итак, благородные господа, что будем делать? – взял в свои руки инициативу сэр Варгерн.

– Драться! – горячо ответил сэр Эйтингтон и, прежде чем рыцари успели что-либо предложить, с громким ором кинулся по направлению к логову дракона, на ходу обнажая меч.

Лакастерн кинулся было за черноволосым товарищем, но его схватил за плечо сэр Варгерн.

– Стой! Дай своему другу проявить отвагу, мы вполне можем немного подождать и посмотреть, что из этого выйдет. Правда, сэр Амелл?

Сэр Амелл охотно кивнул и обернулся к оруженосцу, который медленно пятился в сторону деревни. Под укоризненным взглядом хозяина парнишка судорожно сглотнул и остановился. Рубаха на уровне живота подозрительно зашевелилась, словно там ворочалось какое-то странное существо. Светловолосый сэр Джорнетт брезгливо поморщился, но следовать примеру сэра Эйтингтона не собирался. Тем более что тот, судя по крику, уже успел достичь поляны, и его возглас на пару секунд сменивший тональность с победной в испуганную, внезапно затих. Затем последовал лязг металлических доспехов, глухой шлепок, и снова наступила тишина.

– Предлагаю тихонько подкрасться и посмотреть, что там произошло, – выдвинул очередную идею сэр Варгерн. – А если дракон будет занят поеданием сэра Эйтингтона, то мы кинемся внезапно и, пока он не опомнился, приберем эту тварь.

Рыцари дружно кивнули. На бросившем спутника сэре Лакастерне не было лица. «Однако, – решил рыжеволосый, – лучше Эйтингтон, чем я!» Тем временем его товарищи тихонько подкрались к краю поляны и раздвинули кусты.

Дракон лежал на поляне и изнывал от жары. Огромная шипастая голова покоилась на крепких лапах с внушительными когтями. Все тело ящера покрывали роговые пластины с острыми краями и шипами. Размером он был с небольшую гору. «И как эта дрянь так вымахала на молодильной редьке?» – хмыкнул про себя Лакастерн. Четверых пришельцев в железных латах хищник встретил ленивым шевелением хвоста. Эйтингтон лежал в ста метрах от животного ничком.

«Прибил он его, что ли? – подумал рыжий рыцарь, внутри которого опять зашевелилась совесть. – Ладно, убью дракона и откачаю напарника. У него всегда был крепкий лоб. Ну а если все-таки погиб, так похороню с почестями!» И с этими мыслями он извлек из ножен клинок. Спутники последовали его примеру. В этот момент большой фиолетовый глаз с вертикальным зрачком открылся и внимательно взглянул на воинов. Оруженосец сэра Амелла боязливо попятился к краю поляны.

– Сдавайся, чудовище! – рявкнул светловолосый сэр Джорнетт, потрясая оружием.

Более умудренные опытом рыцари энтузиазма юнца не разделяли. Дракон фыркнул, обдав парня горячим дыханием, и шлепнул хвост под ноги бегущему рыцарю. Тот споткнулся и упал, пропахав носом землю. Ящер скептически посмотрел на потенциального убийцу, затем перевел взгляд на стоящих поодаль трех рыцарей с оруженосцем и, не видя с их стороны никакого проявления агрессии, флегматично перевернулся, подставив солнцу второй бок.

Сэр Джорнетт оказался упорным юношей и, поднявшись с земли, встал в боевую стойку с мечом на изготовку.

– Дерись, трус! – выдохнул он.

– Тебе надо – ты и дерись, – безразлично заметил дракон, зевая.

– Тогда сдавайся! – подошел к нему ближе юный рыцарь.

Дракон вновь открыл глаза и недовольно уставился на «противника».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания